Н. А. Лаппо-Данилевская

Кровавый Рубинъ

Сборникъ разсказовъ и пьесъ

PARIS 1925

Фонд Русской
Зарубежной Книги
„Посев“

2002247221

КРОВАВЫЙ РУБИНЪ.

Убогій, въ растерзанной, ветхой одеждѣ, въ стоптанныхъ сапогахъ, съ искаженнымъ отъ горя и лишеній лицомъ, я былъ жалокъ и ничтоженъ. Пряди спутанныхъ волосъ падали мнѣ на лицо и, орошенныя слезами, липли ко лбу и глазамъ. Я упалъ на колѣни и, рыдая, молилъ Бога о смерти.

— Все земное тлѣнно, — увѣщевалъ меня священникъ, — только духъ нашъ вѣченъ... молись, молись со мною...

Его рука тихо покоилась на моей опущенной головѣ; я чувствовалъ теплоту его ладони, и эта простая ласка вливалась горячей струей въ мою измученную душу. Прекрасное лицо, съ ясными голубыми глазами, дышало вдохновенной силой.

Въ комнатѣ темнѣло. Черезъ небольшія оконца глядѣлъ сырой осенній вечеръ и казалось, что глядятся въ нихъ тусклыя, слезящіяся очи. Очертанія дешевенькой мебели сливались неясными тѣнями, и толькс уголъ, съ ярко горящей у Лика Спасителя лампадой, выступалъ, какъ бы, заполнялъ все въ убогомъ жилищѣ кладбищенскаго священника.

— Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы...

Тяжесть плоти моей исчезала; духъ, больной и робкій, тянулся во слѣдъ молитвѣ служителя Бога и медленно плылъ туда въ высь, гдѣ нѣтъ ни скорби, ни печалей.

Вся жизнь моя, убогая и сѣрая, жизнь загнаннаго звѣря, который трусливо поджимаетъ хвостъ при видѣ каждаго прохожаго, позоръ нищеты, обидъ и озлобленія, все отпало куда то за грань сознанія, и осталось во мнѣ, и вокругъ меня, и надо мной одно, благоухающее чистотой, ясное сознаніе, внезапно охватившаго душу, покоя.

Я былъ далекъ отъ земли и ея печалей, отъ своей тлѣнной земной оболочки. Я ощутилъ Бога, не того Бога, котораго оскорбляютъ въ небрежномъ и лицемѣрномъ богослуженіи; чье Имя, какъ обветшалая, выдохшаяся формула, повторяется милліонами равнодушныхъ устъ, во имя котораго совершаются бездушные суды и дикія расправы и подымаются позорныя войны, — нѣтъ не того! Но кроткаго и великаго Божества, при едва уловимомъ познаніи котораго тухнетъ вражда и гнѣвъ, сердце преисполняется неисчерпаемой любовью ко всему живому, и покой наполняетъ просвѣтленную душу.

На одну минуту передо мной отогнулся край завѣсы, скрывающей таинственную

обитель Высшихъ источниковъ духовной красоты и ея великаго покоя...

Сознаніе покинуло меня, и я упалъ, измученный горемъ и нуждой...

Брезжило сырое и туманное утро, когда я очнулся весь изломанный и больной. Лампада по прежнему ярко теплилась у строгаго Лика Спасителя. Священникъ стоялъ возлѣ меня, съ устремленнымъ на Ликъ Спасителя взоромъ. Глубокая, скорбная складка лежала на его челѣ; блѣдное лицо съ русыми волнистыми волосами было обращено ко мнѣ.

— Подымись и неси крестъ свой, сыне; возлюбилъ я душу твою и хотѣлъ бы уврачевать раны ея. Да будетъ Воля Его... Молись, молись... Когда трудно будетъ, приходи ко мнѣ.

Я поднялся на ослабѣвшія ноги, весь дрожа и ежась отъ пронизывающаго меня до костей холода. Тупая боль сидѣла гдѣ то въ глубинѣ мозга. Я сѣлъ на край стула; тупо глядя передъ собой, провелъ рукой по сбившимся волосамъ, мелькомъ замѣтилъ ветхость и неряшливость моей одежды и шагнулъ къ двери:

— Я пойду...

— Иди, сыне мой. Христосъ съ тобою. Буду молиться за тебя.

Онъ трижды осѣнилъ меня крестомъ и вдругъ обнялъ мою голову и прижалъ ее

къ своей груди. Я чувствовалъ какъ горячія слезы, — скорбныя и тяжелыя, слезы любви и состраданія капали на мою голову и стекали по сокровеннымъ, мнѣ самому невѣдомымъ, путямъ въ тайники души и тамъ застывали прозрачными кристаллами, чтобы освѣтить ее въ тотъ часъ, когда померкнутъ въ ней всѣ лучи.

Выйдя на улицу, я шелъ понуря голову, ступалъ по лужамъ, зябъ отъ холоднаго насквозь пронизывавшаго вѣтра, натыкался на прохожихъ, и они толкали и бранили меня, попадалъ подъ самыя морды лошадей и все шелъ, шелъ впередъ, пока ни очутился въ своей конурѣ, холодной, сырой и такой страшно пустой и одинокой, какъ можетъ быть только конура нищаго. Сутки тому назадъ изъ нее вынесли мою подругу, такую же какъ и я запуганную жизнью, не знавшую радостей дѣтства и юности подъ бременемъ нищеты. Кроткая, тихая и робкая она прильнула къ моей душѣ, и мы, два пролетарія, двое нищихъ, поженились... Бѣдная Феня! Когда я смотрѣлся въ осколокъ разбитаго зеркала, я стыдился себя, — такъ уродливо было мое лицо съ мѣшками подъ глазами, съ худосочнымъ цвѣтомъ кожи, съ порѣдѣлыми, прямыми и выцвѣтшими волосами, съ худой морщинистой шеей. Когда мы голодали,—моя тихая подруга утѣшала меня, когда мы мерзли, — она

же согрѣвала мнѣ руки въ своихъ теплыхъ ладоняхъ и окутывала мою шею роскошной волной черныхъ волосъ. Въ оборванномъ и изношенномъ платьѣ и стоптанныхъ сапогахъ, я нигдѣ не могъ найти хорошей работы. Мы начали гибнуть отъ холода и голода и рѣшили поступить рабочими на заводъ. О прочь!... прочь!... мимо ужасныя воспоминанія! Прошло три мѣсяца, и Феня попала подъ машину: ей оторвало обѣ ноги... она умерла, не приходя въ сознаніе...

Однимъ взмахомъ огромнаго колеса, машина искалѣчила на смерть ребенка, котораго жизнь травила, мучила нищетой и голодомъ, пока ни заставила ее, безоружную и уничиженную, стать на путь, который прямо велъ ее подъ мощный размахъ стальной машины, сбросившей однимъ своимъ поворотомъ это кроткое существо въ темную пучину небытія.

Старенькая, черная юбка и такая же кофточка еще висѣли на гвоздѣ подлѣ нашего убогаго ложа... На подоконникѣ еще валялись шпильки, гребенка, вязанный шерстяной платочекъ...

Предо мной страшнымъ призракомъ, стояли голодъ, холодъ и зіяющая пасть могилы, куда опустился деревянный гробъ. Въ немъ я видѣлъ маленькое восковое личико, окаймленное пышными

черными волосами. Когда деревянный ящикъ доползъ до дна могилы, — чьи то кощунственныя руки закидали землей то милое, нѣжное, робкое, безконечно доброе и дорогое мнѣ, что называлось Феней.

Я сидѣлъ какъ истуканъ, вперивъ взоръ въ одну точку. Душа моя стала темна и угрюма: паутина отчаянія окутывала ее, и постепенно образовывалась кора, сквозь которую уже не могъ проникнуть лучъ свѣта.

Змѣи, выставивъ ядовитое жало, обвили мозгъ тѣснымъ кольцомъ и подползали къ сердцу, вливая ядъ злобы въ чашу смиренія и всепрощенія.

Въ смерти Фени я винилъ всѣхъ, кто не былъ голоденъ, кому было тепло, на комъ не болталась смѣшно и позорно обветшалая заплатанная одежда.

Вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, я, полный непримиримой вражды и ненависти къ людямъ, обезсиленный голодомъ и безсонными ночами, еле волоча ноги, дотащился до перваго кабака и напился до безчувствія.

Съ этого вечера началась для меня жизнь, полная паденія. Я пьянствовалъ, ругался, издѣвался надъ людьми и святыней, изливая изъ сердца моего такіе потоки злобы и порока, что люди въ страхѣ обходили меня, или удивлялись и

гордились мной, какъ образцомъ глубокой порочности. Мои мысли всегда были направлены на зло. Чѣмъ ниже я падалъ, тѣмъ отважнѣе становился. Когда я былъ кротокъ и чистъ душой, люди глумились и толкали меня. Теперь имъ приходилось боязливо протягивать мнѣ руку, и я, со злорадствомъ, прокаженной рукой пожималъ ихъ трусливыя дрожащія руки.

Месть, злоба, холодный расчетъ и полное безсердечіе понемногу мнѣ стали расчищать дорогу. Я не ходилъ уже въ постыдныхъ отрепьяхъ, и мнѣ не надо было жаться къ стѣнамъ домовъ и избѣгать людскихъ взглядовъ. Теперь я не уступалъ имъ дороги, шелъ прямо на нихъ, глядя имъ нагло въ глаза, и они боязливо сворачивали всторону.

Я чувствовалъ себя готовымъ на совершеніе какого угодно преступленія, чтобы въ немъ потопить месть и обиду за загубленную жизнь.

Моимъ первымъ шагомъ на этомъ поприщѣ былъ поджегъ богатой усадьбы; она сгорѣла до тла, а то, что не успѣло сгорѣть, было расхищено моими товарищами. Я стоялъ въ отдаленіи, злорадно наблюдая картину разрушенія и разграбленія. Люди метались съ искаженными лицами, озаренные фантастическимъ зловѣщимъ свѣтомъ всеразрушающаго пламени. Никто не обращалъ на меня внима-

нія, и я спокойно удалился, когда вмѣсто усадьбы на землѣ тлѣлись груды балокъ и всякихъ обломковъ.

Вслѣдъ за этой усадьбой, я сжегъ еще двѣ и все также безнаказанно. Послѣдній поджегъ былъ сдѣланъ съ такимъ беззастѣнчивымъ цинизмомъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какимъ образомъ я не былъ пойманъ, ни даже заподозрѣнъ. Теперь всѣ дороги преступленій казались мнѣ не только легки, но и заманчивы, какъ утонченно опасная игра.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Не могу припомнить какъ и отчего, но въ моемъ мозгу началъ созрѣвать *планъ ограбленія* собора въ богатомъ городѣ, куда забросила меня судьба. Икона Божьей Матери была осыпана драгоцѣнными каменьями; я рѣшилъ воспользоваться этими богатствами, чтобы уѣхать въ Америку и тамъ начать большое коммерческое дѣло. Заранѣе все было обдумано и предусмотрѣно. За нѣсколько времени до назначеннаго дня, я, подъ видомъ стекольщика, собственноручно вставлялъ стекло въ окно собора, причемъ очень ловко подпилилъ часть желѣзной рѣшетки. Достаточно было легкаго нажима, чтобы ее безшумно снять. Съ обоими сторожами церкви я очень скоро познакомился и снискалъ полное ихъ довѣріе.

Въ намѣченный день, я долго сидѣлъ съ

ними въ трактирѣ, напоилъ ихъ и затѣмъ простился. Передъ окончаніемъ вечерней службы, я незамѣтно проскользнулъ въ соборъ, спрятался въ темномъ углу за колонной и остался въ немъ. Охмелѣвшій сторожъ нѣсколько разъ проходилъ мимо, не видя меня. Онъ погасилъ всѣ лампады, кромѣ неугасимой передъ Ликомъ Божьей Матери, тяжело захлопнулъ массивныя двери и удалился. Я выждалъ часъ и хладнокровно принялся за дѣло. Ни разу не дрогнули мои пальцы, ни даже тѣнь страха совершаемаго святотатства не закралась въ мое сердце. Когда я покончилъ,—пригоршня бриллiантовъ, рубиновъ, жемчуговъ и изумрудовъ лежала у меня за пазухой.

Взобравщись на окно, я вынулъ нѣсколько прутьевъ подпиленной рѣшетки, осторожно вырѣзалъ стекло и благополучно спустился внизъ. Но едва я прошелъ, крадучись, нѣсколько шаговъ, какъ чья то желѣзная рука вцѣпилась мнѣ въ горло. Ночь была очень темна, и я смутно различилъ сторожа. На меня пахнуло запахомъ водки. Съ ловкостью кошки, я извернулся и однимъ взмахомъ тяжелаго жеѣзнаго лома ударилъ его по головѣ.

Онъ свалился на земь. Я взмахнулъ еще разъ и слышалъ какъ треснулъ его черепъ.

Наступила зловѣщая тишина. Въ нѣ-

сколько прыжковъ я былъ у ограды, перелѣзъ черезъ нее и, никѣмъ не замѣченный, вернулся домой. Здѣсь я почувствовалъ страшную усталость. На одну минуту сознаніе совершеннаго убійства наполнило ужасомъ мой мозгъ. Я выпилъ залпомъ полъ бутылки водки и крѣпко, мертвецки заснулъ. На утро ко мнѣ вернулось полное хладнокровіе и всегдашнее глубокое безразличіе ко всему что бы меня не ожидало.

Несмотря на то, что заграничный паспортъ лежалъ у меня въ карманѣ, я рѣшилъ ранѣе двухъ дней не уѣзжать, чтобы своимъ отъѣздомъ не вызвать подозрѣнія. Весь день я провелъ за обычнымъ дѣломъ, а вечеромъ слонялся по улицамъ и до поздней ночи игралъ въ трактирѣ на билліардѣ, принимая живое участіе въ обсужденіяхъ и догадкахъ, куда могъ скрыться наглый преступникъ. Я глумился надъ людской глупостью, и широкая волна радости, въ безнаказанности моихъ преступленій, рисовала мнѣ еще болѣе дерзкія и злобныя, которыя я могъ бы совершить, если бы ни былъ рѣшенъ мой отъѣздъ въ Америку.

Вернувшись поздно ночью въ свою комнату, я долго, при свѣтѣ лампы, разсматривалъ и любовался пріобрѣтенными драгоцѣнностями. Камни переливались тысячами огней; рубины, какъ капли свѣ-

жей крови, падали на столъ, и въ нихъ мнѣ мерещилась кровь всѣхъ тѣхъ убогихъ тружениковъ, цѣной которыхъ они были пріобрѣтены. Алмазы и брилліанты, какъ застывшія слезы, мѣшались съ каплями крови; мои пальцы, дотрагиваясь до нихъ, трепетали при воспоминаніи о всѣхъ тѣхъ слезахъ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ въ моей далекой, уже забытой юности. На моемъ ожесточенномъ лицѣ выдавилась насмѣшливая улыбка надъ людской глупостью и трусостью. Замаливая свои грѣхи или выпрашивая благъ у неба, они щедрой рукой осыпали этими тысячными каменьями безгласное изображеніе Божества, въ то время, какъ живые, голодные и холодные люди тщетно протягивали къ нимъ дрожащія руки, съ боязливой надеждой получить хотя бы грошъ.

И вдругъ мой мозгъ пронзила дерзкая мысль: мнѣ — убійцѣ и вору — нагло посмѣяться надъ благочестіемъ этихъ кретиновъ. Завтра же я пойду къ священнику какой нибудь церкви и, принявъ благочестиво-умильный видъ, поднесу для благолѣпія его церкви одинъ изъ крупныхъ камней. Я уже видѣлъ въ воображеніи своемъ расплывшуюся отъ удовольствія улыбку на лоснящейся сытой кожѣ, угодливыя рѣчи по адресу щедраго вкладчика, хищные взгляды на

пожертвованную драгоцѣнность. Меня заранѣе дразнила и веселила предстоящая дерзкая выходка. Однако, изъ предосторожности, я рѣшилъ, заблаговременно, сложить свои пожитки и все приготовить къ отъѣзду, чтобы потомъ сразу попасть къ отходящему поѣзду.

Сумерки густо надвигались надъ землей, когда, опрятно одѣтый, возбужденный неслыханной дерзостью, съ острымъ холодомъ злобы въ сердцѣ, я позвонилъ въ квартиру священника одной изъ приходскихъ церквей. Служанка ввела меня въ скромное зальцѣ, и черезъ минуту вышелъ самъ священникъ. Онъ былъ строенъ и высокъ. Въ волнѣ набѣгавшихъ сумерекъ я плохо разсмотрѣлъ его лицо, тѣмъ болѣе, что онъ сѣлъ спиной къ окну.

— Чѣмъ могу служить вамъ? — просто и ласково спросилъ онъ, и я скорѣе почувствовалъ, чѣмъ увидѣлъ, что онъ внимательно устремилъ на меня взглядъ. Нахально развалясь и едва сдерживая смѣхъ, я началъ разсказывать ему, что веду большое торговое дѣло, требующее моего переселенія за границу, и, въ благодарность за всегда ниспосланную помощь Господа, я прошу принять отъ скромныхъ моихъ трудовъ даръ на благолѣпіе храма. Я досталъ изъ кармана крупный, великолѣпный рубинъ и

подалъ его священнику. Онъ протянулъ руку, приблизился къ окну и на ладони осмотрѣлъ его:

— Это даръ очень большой цѣнности. Что прикажете съ нимъ сдѣлать?

— Украсьте имъ вашъ храмъ, на радость богатымъ и злобу бѣднякамъ, — неожиданно сорвалось у меня, и рѣзкій смѣхъ отрывисто прозвучалъ и замолкъ, оставивъ впечатлѣніе плохо скрытой вражды.

Священникъ промолчалъ.

— Не угодно ли вамъ пройти въ мою келейку? Тамъ свѣтло и уютно, — предложилъ онъ, подымаясь съ мѣста и, не ожидая моего отвѣта, провелъ меня въ сосѣднюю небольшую, очень уютную и простую комнату. На рабочемъ столѣ горѣли двѣ свѣчи, а у образа Спасителя, тихимъ свѣтомъ, теплилась лампада. Онъ указалъ мнѣ на кресло, и самъ сѣлъ противъ меня. Глаза его были опущены; волны сѣдыхъ волосъ обрамляли строгое, блѣдное лицо, худощавое и красивое.

На меня вдругъ пахнуло давно невѣдомымъ душѣ уютомъ, тишиной и покоемъ.

— Собираетесь уѣзжать заграницу, государь мой?... На долго ли? — спросилъ онъ ласковымъ негромкимъ голосомъ, не поднимая глазъ.

— Навсегда.

— Не жаль покидать родныхъ и друзей?

— Ни родныхъ, ни друзей не имѣю.

— Сочувствую вашему одиночеству и жалѣю васъ.

— Напрасно безпокоитесь: я людей ненавижу. — Злая и надмѣнная улыбка искривила мнѣ лицо.

— Какъ же жить можете? Какъ можете молиться?

— Ни людской, ни Божьей помощи мнѣ не надо:я не вѣрю въ нее.—Я вышелъ изъ роли умиленнаго благочестія, не умѣя сдержать накопившуюся въ сердцѣ злобу.

Священникъ всталъ со своего мѣста и, не глядя на меня, отошелъ въ другой конецъ комнаты, менѣе освѣщенной неяркимъ пламенемъ полуобгорѣвшихъ свѣчей.

— Скорбно слушать ваши слова. Вижу, что у васъ больная и израненная душа, и не знаю какъ притронуться къ ней, чтобы не вызвать боли.

— Вы, кажется, хотите исповѣдывать меня? Интереснаго, пожалуй, найдется много, но считаю это празднымъ любопытствомъ и потому спѣшу откланяться... Что же касается моего дара, то вставите ли вы его въ оправу иконы или оставите у себя въ карманѣ, мнѣ, по правдѣ сказать, безразлично.

Я дерзко расхохотался и, поднявшись съ кресла, собирался шагнуть къ двери.

— Господь съ вами, что вы говорите?! — Онъ подошелъ совсѣмъ близко, и я въ первый разъ увидалъ его глаза, синіе, пекрасные, исполненные такой глубокой духовной силы, что смѣхъ мой оборвался. Я пристально смотрѣлъ въ самую лучистую глубину этихъ глазъ, и что то забытое, далекое, потонувшее въ туманѣ отошедшихъ годовъ, шевельнулось на днѣ моей души.

Священникъ ласково дотронулся до моей руки:

— Вижу, что жизнь изгладила изъ вашей памяти мои черты, но я васъ узналъ тотчасъ же, ибо однажды хотѣлъ больную душу вашу вознести въ объятіяхъ своихъ къ Престолу Творца. Но путь былъ не пройденъ... Что сдѣлали вы съ душой вашей? Зачѣмъ такъ ожесточили ее? Въ ней было столько любви и вѣры!..

— Батюшка?!.. Это вы?!.. — Я схватился за голову и отступилъ.

— Это я, сынъ мой. Насъ раздѣлила длинная вереница годовъ, но сегодня твоя больная, еще болѣе измученная душа мнѣ такъ же близка, какъ и въ тѣ скорбные часы, когда юный, съ прекрасной нетронутой душой, ты рыдалъ надъ гробомъ любимой подруги...

Я стоялъ какъ ошеломленный. Не спу-

ская глазъ, съ непонятнымъ мнѣ самому волненіемъ и страхомъ, всматривался въ прекрасное лицо. Въ его глазахъ блестали слезы: первыя слезы сочувствія и ласки, что я увидѣлъ за всѣ эти долгіе годы.

— Боже мой! Что со мной?! Зачѣмъ я попалъ сюда? — шепталъ я, сдавливая виски похолодѣвшими пальцами. Въ душѣ моей, съ невыразимой болью, воскресли чувства забытыхъ годовъ юности, и бѣдная Феня, и наша любовь, и горечь ея потери, и экстазъ молитвы со жгучими слезами смиренія и вѣры, и послѣдующіе годы озлобленія, вражды къ людямъ, ненависти и мести: поджоги, ограбленіе храма, кроткій, будто съ укоризной глядящій, Ликъ Божьей Матери въ пустомъ и темномъ соборѣ, глухой предсмертный стонъ неповинно убитаго сторожа, не сдѣлавшаго мнѣ никакого зла... Судорога исказила мнѣ лицо.

— Мой даръ, мой даръ, батюшка, облитъ кровью!... — Рыдая, я упалъ къ ногамъ священника.

— Господи, озари свѣтомъ скорбную и тоскующую душу его!... — услыхалъ я надъ собой.

Сквозь хаосъ безумныхъ мыслей и видѣній, я слышалъ слова молитвы, и потрясенная душа моя металась отъ земли къ небу. Что было потомъ, я не знаю. Я

помню только, что его ласковая рука тихо гладила мою голову, и онъ увѣщевалъ меня:

— Молись, сыне. Властью Господней я отпускаю всѣ грѣхи твои. Я буду молиться за тебя, и Господь придетъ къ тебѣ на помощь. Уѣзжай скорѣе. Все останется тайной. Трудами благочестивой жизни да искупятся заблужденія души твоей. Драгоцѣнный камень, какъ кровавую слезу раскаяннаго сердца твоего, я оправлю въ ризу Богоматери.

Онъ заставилъ меня уѣхать.

Тяжелый крестъ, безнаказанно содѣянныхъ преступленій гнететъ мою жизнь. Только теперь я понялъ великую любовь къ Господу и жажду излить ее, помимо дѣлъ, въ чистомъ дарѣ драгоцѣнныхъ кристаловъ земли.

О, еслибы я могъ собрать ихъ со всего міра, чтобы осыпать ими ризы всѣхъ Иконъ Кроткаго Лика Богоматери! Но близится часъ освобожденія. Далекія молитвы старца свѣтлой ризой одѣваютъ мою душу. Осѣненный ихъ благодатью, я найду силы добровольно предстать передъ судомъ людей для суда Божья.

ЯКО ТІИ БОГА УЗРЯТЪ.

— Андрюша... ты плачешь?

Въ отвѣтъ послышалось изъ другой комнаты что-то похожее на мычаніе.

— Опять ты не спишь... Ахъ Господи! Ну, возьми же себя въ руки.

— Не мо-о-о-гу.... — Онъ заплакалъ, какъ плачутъ маленькія дѣти, во весь голосъ, сморщивъ лицо и опустивъ углы рта. Откинувъ одѣяло, спустивъ ноги на лежащій подлѣ кровати выцвѣтшій коврикъ, въ одномъ бѣльѣ, громадный, сутулый, съ коротко остриженными черными волосами, онъ сидѣлъ на краю кровати и большими сильными кулаками отиралъ мокрое отъ слезъ лицо. Въ противуположномъ углу слабо теплилась лампада передъ образомъ и озаряла тусклымъ свѣтомъ маленькую комнату. Отъ того, что плакалъ большой и сильный человѣкъ, какъ плачутъ обиженныя дѣти, казалось, что въ комнатѣ во всѣхъ углахъ залегла насторожившаяся нѣмая тоска.

— Андрюша, я не могу слышать твоихъ слезъ... — Вошла блѣдная женщина, съ истомленнымъ и скорбнымъ лицомъ, въ суконныхъ ночныхъ туфляхъ, съ наки-

нутымъ, поверхъ ночной сорочки, большимъ теплымъ платкомъ; сѣдые волосы были гладко расчесаны на проборъ. Она остановилась у порога и, съ видомъ глубокого отчаянія, смотрѣла нѣсколько секундъ на плачущаго сына.

— Андрюша, помолись Богу, Онъ поможетъ тебѣ... мы должны покориться... это Его воля... помолись...

— Я молился... не помогаетъ... Я не хочу идти, я не могу безъ тебя... Я лучше отравлюсь.

Онъ громко заплакалъ, и по сморщенному лицу потекли слезы.

Мать крѣпко стиснула пальцы и, полными слезъ глазами, посмотрѣла со скорбью въ уголъ, гдѣ висѣлъ образъ. Подойдя къ сыну, она опустилась рядомъ съ нимъ, обняла его голову, прижала къ груди и, продолжая глядѣть на образъ, тихо и скорбно качая головой, долго проводила ладонью по его короткимъ, щетинистымъ волосамъ.

— Послушай, Андрюша, вѣдь ты идешь защищать меня... — сдѣлавъ усиліе надъ собой, заговорила она спокойнымъ голосомъ. — Вѣдь я уже совсѣмъ старуха, и если они прійдутъ сюда, то я не смогу убѣжать, и они убьютъ меня. Ты же силачъ, пойдешь вмѣстѣ со всѣми, одержите побѣду, тебя за храбрость произведутъ въ генералы, вернешься домой, всѣ

выйдемъ встрѣчать тебя... то-то будетъ радость! И ужъ какъ заживемъ тогда! — Мать глотала слезы и дѣлала радостное лицо.

— А Георгія получу?

— Можетъ быть и получишь.

— А за что можно Георгія получить? За убійство?

— За храбрость, Андрюша.

— А жалованья я буду много получать, если мея въ генералы произведутъ?

— Будешь, Андрюша.

Онъ уже улыбался, и добрая дѣтская улыбка была жалка на его заплаканномъ подпухшемъ лицѣ, съ чрезмѣрно узкимъ лбомъ, встрепанными усами и безпокойнымъ, всегда растерянным взглядомъ.

— Андрюша, ложись, мой другъ. Тебѣ надо выспаться.

— Ну, хорошо, я лягу; я хочу спать. Я успокоился и даже радъ, что иду; право, радъ. Я ихъ всѣхъ переколочу. Ты не думай, что я боюсь! Какъ хвачу ихъ!... — Онъ разсмѣялся короткимъ, тихимъ смѣхомъ и сталъ укладываться, подсовывая подъ бока одѣяло и натягивая его поверхъ головы. Кряхтя и грузно ворочаясь на узкой желѣзной кровати, онъ отдавался хаотическимъ мыслямъ, осаждавшимъ гурьбой его слабую голову и утомлявшимъ мозгъ непослѣдовательностью

и быстротой. Наконецъ, онъ заснулъ тяжелымъ и крѣпкимъ сномъ.

Мать продолжала сидѣть на краю его кровати, съ опущенными на колѣни руками, и изъ глазъ, устремленныхъ въ уголъ, гдѣ висѣлъ образъ, капали одна за другой крупныя слезы, скатывались по щекамъ и падали на похолодѣвшія руки...

— Стали, али еще ѣдемъ?

— Кажись, что стали.

— Такъ и есть. Ноги то промять не мѣшаетъ.

— Дѣйствительно, что не мѣшаетъ. Да и чайкю бы испить не вредно. Во-ка баринъ, воинъ то нашъ храбрый, и чайникъ заготсвилъ. Слѣзай что-ли... я подсоблю. Али промерзъ?

— Да ужъ, промерзъ, — ежась отъ холода и вздрагивая громаднымъ тѣломъ, проговорилъ Андрей. Неловко ступая обутыми въ валенки ногами по замерзлымъ и скользкимъ приступкамъ вагона, онъ неуклюже спрыгнулъ на платформу. Держа въ одной рукѣ металлическій чайникъ, другую сжавъ въ кулакъ и согрѣвая ее дыханіемъ, онъ тяжелой походкой направился въ буфетъ вокзала. Сосредоточенно сморщивъ лобъ и не замѣчая, какъ обгонявшіе люди толкали его или онъ самъ ихъ толкалъ, онъ что-то бормо-

талъ себѣ подъ носъ и шелъ впередъ, думая только о томъ, что ему холодно и хочется ѣсть.

— Ишь ты махина какая претъ!.. чего лѣзешь на человѣка? Нѣшто не видишь, что я съ ребенкомъ! — Сердито накинулась на него старуха, которую онъ въ дверяхъ вокзала чуть было ни сшибъ съ ногъ.

— Извините пожалуйста... Не видалъ, — сконфуженно посторонился Андрей.

— А ты гляди, стоеросова дубина!..

— Ну, ну, проходи, проваливай! — неожиданно вспыливъ, прикрикнулъ Андрей и почувствовалъ, какъ усталость, голодъ и, безостановочно сосущая подъ сердцемъ, тоска готовы вылиться въ необузданную злость.

Черезъ нѣсколько минутъ, кряхтя отъ мороза, боясь пролить кипятокъ и выронить булки, онъ вошелъ въ свой вагонъ, гдѣ стояла, отъ накуреннаго табаку и испаренія солдатскихъ тѣлъ, сгущенная атмосфера.

— Что, баринъ, чайкю пить будешь? Ну, усаживайся. Башка трещитъ, небось, съ непривычки въ повалку спать?

Молодой солдатикъ, веселый и бодрый, съ карими глазами и румянымъ лицомъ, сосѣдъ Андрея по нарамъ, помогъ ему достать корзинку съ провизіей и отвернулся въсторону, когда тотъ, разложивъ

сахаръ булки, колбасу и яйца, собрался утолять голодъ.

— Иваненко, вотъ тебѣ чай и булка,— обозвалъ его Андрей, протягивая кружку съ горячимъ чаемъ и жадно перебѣгая глазами по приготовленнымъ кускамъ.

— Благодаримъ покорно. — Иваненко взялъ чай, отхлебнулъ и крякнулъ отъ удовольствія.

— Бери колбасу и масло,—прожевывая огромный кусокъ, проговорилъ Андрей.

— Кушайте сами, я и чайкомъ обогрѣюсь.

— Нѣтъ, ты бери колбасу и яицъ тоже бери; у меня еще много всего.

— Благодаримъ покорно.

Андрей молча, посапывая, отправлялъ въ ротъ ломти за ломтями, обжигая губы, пилъ чай, и лицо его постепенно прояснялось. Онъ одобрительно взглянулъ на Иваненко, ѣвшаго съ аппетитомъ булку съ колбасой и вдругъ разсмѣялся свѣтлымъ дѣтскимъ смѣхомъ. Лицо его, пасмурное и угрюмое сразу просвѣтлѣло.

— А вѣдь вкусно?! Хочешь еще? На, на, ѣшь, я еще достану, у меня много.

— Ишь-ты! мамаша всего вволю напрятала.

— Мама еще пришлетъ.

— Не больно-то много пришлетъ, какъ далеко загонятъ.

— Нѣтъ, она сказала, что пришлетъ; развѣ они смѣютъ не передать!—съ безпокойствомъ въ лицѣ, возразилъ Андрей.

— Эвона, чего выдумали! На войнѣ не очинно разбираютъ, чего смѣть али не смѣть.

— Разъ мама мнѣ сказала, что пришлетъ, значитъ пришлетъ.

— Ужъ видно коли мама сказала, значитъ такъ тому и быть, — разсмѣялся солдатъ.

Слова эти успокоили Андрея, и онъ принялся за третій стаканъ чая.

— Докторъ велѣлъ мнѣ хорошо питаться и не простуживаться, потому что я малокровный, и у меня больныя почки.

— Не больно-то доктора послушаешь, какъ въ окопахъ засядешь. Нешто почки али что другое тамъ убережешь?!

— А мнѣ докторъ велѣлъ беречься, и я долженъ его слушать, — упрямо повторялъ Андрей.

— Чудакъ ты, баринъ, ей Богу чудакъ! На смертъ идемъ, а ты про свое толкуешь.

Узкій лобъ Андрея напряженно сморщился, и взглядъ его сталъ безпокойнымъ.

— Нѣтъ, не на смерть. Зачѣмъ ты такъ говоришь!.. — Въ его глазахъ мелькнуло что-то жалкое, просительное.

— Если они меня убьютъ и дойдутъ до нашего города, они нападутъ на маму и убьютъ ее. Она тамъ одна осталась... Я для того и пошелъ, чтобы маму защищать.

— Вѣстимо, одной-то боязно, — сочувственно поддакнулъ солдатъ. Согрѣвшись чаемъ, онъ сдвинулъ фуражку на затылокъ, отъ чего его молодое, веселое лицо приняло выраженіе безпечной удали.

Андрей убралъ посуду и оставшуюся провизію, досталъ открытку и, согнувшись, сопя и напрягаясь, поминутно тыкая перо въ маленькую герметическую чернильницу, принялся писать матери безграмотное, полное ошибокъ, письмо. Буквы ложились вкривь и вкось и неразборчивый малограмотный почеркъ былъ еще хуже, потому что рука дрожала, и глаза заволакивало слезами. Андрей отложилъ перо, не поднимая головы, вытащилъ изъ кармана платокъ и украдкой сталъ отирать глаза. Иваненко, сидѣвшій наискось съ папиросой въ зубахъ, мурлыкалъ пѣсню и былъ занятъ портянками, которыя переметывалъ на ногахъ. Онъ повернулъ голову, услышавъ хлюпающій звукъ, который Андрей издавалъ носомъ.

— Опять затосковалъ, баринъ? Ишь ты какой! Мамку все жалѣешь... Ты не

думай про нее, храбрись. Никто какъ Богъ.

Андрей, поднявъ плечи, всхлипывалъ и не успѣвалъ вытерать слезы, катившіяся по щекамъ и по искривленнымъ угламъ рта.

— Ей-Богу, не плачь, баринъ. Нешто можно солдату плакать?! Егорія получить желаешь, а самъ себя удержать не можешь. И нашему брату на сердцѣ не сладко, а вотъ крѣпимся. Такъ-то и ты.

— Я не отъ того... — забормоталъ Андрей, — я думаю, что вдругъ какъ ее убьютъ.

— Не бось, не убьютъ.

Иваненко сплюнулъ на полъ и сталъ натягивать сапоги. Андрей нахлобучилъ папаху и, поверхъ теплаго полушубка обмоталъ шею башлыкомъ. Сунувъ въ карманъ дописанное письмо, онъ сталъ пробираться къ выходу, между сидящими и лежащими солдатами.

Эй баринъ, сдѣлай милость, принеси кипяточку.

— Давай чайникъ.

— Изволь, изволь... благодаримъ покорно.

— Мнѣ не трудно, я сейчасъ принесу.

— Ишь добрая душа! Завсегда услужить готовъ, —отозвался кто то изъ солдатъ.

Вторую недѣлю Андрей сидѣлъ въ окопахъ. Такъ какъ ему было всегда холодно и всегда хотѣлось ѣсть, то его крѣпкое и сильное тѣло начало ослабѣвать и появились упорныя головныя боли, причинявшія ему большое страданіе и усиливавшія гнетущую, безпросвѣтную тоску. Онъ такъ много плакалъ и такъ упалъ духомъ, что ходившій и утѣшавшій его солдатъ Иваненко махнулъ на него рукой. Андрей сталъ похожъ на громаднаго, ослабѣвшаго загнаннаго въ клѣтку звѣря. По большей части, онъ былъ тихъ и угрюмъ, иногда же на него нападали минуты безграничной злобы, и тогда на поблѣднѣвшемъ осунувшемся лицѣ, изъ-подъ сдвинутыхъ бровей блисталъ гнѣвный, недоброжелатнльный взглядъ. Если въ такія минуты солдатамъ приходило въ голову пошутить или добродушно подразнить слабоумнаго барчука, котораго всѣ они любили жалостливой любовью, какъ любятъ няньки больного ребенка, Андрей мрачно сверкалъ глазами:

— Ну, ну спроваживайся, — обрывалъ онъ шутника и отходилъ отъ него прочъ.

Онъ или писалъ матери безконечныя полныя отчаянія и тоски письма, или же, не вникая въ смыслъ, читалъ Евангеліе монотоннымъ голосомъ, какъ читаютъ его дьячки и псаломщики. Иногда онъ

накрывалъ голову шинелью и служилъ обрывки обѣдни и всенощной, подражая священнику и дьякону и изображая хоръ. Онъ увлекался и забывалъ тогда голодъ и тоску. Прежде чѣмъ заснуть, онъ каждый разъ долго и горячо молился, плача и призывая имя Бога и своей матери.

Однажды, получивъ отъ матери письмо и посылку съ теплыми вещами и провизіей, Андрей укладывался спать счастливый и радостный. Онъ щедро подѣлился съ товарищами — солдатами присланной провизіей и, довольный тѣмъ, что доставилъ радость другимъ, смѣялся, шутилъ и даже затянулъ густымъ басомъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Сытно и много поѣвъ, онъ, накрывшись съ головой, скоро заснулъ. Ему снились хорошіе сны, совсѣмъ не похожіе на дѣйствительность.

Онъ проснулся отъ того, что Иваненко сильно трясъ его за плечо:

— Эй, баринъ, живо къ ружью... нѣмцы прутъ.

Андрей вскочилъ. Его охватилъ ужасъ. Кругомъ царилъ хаосъ и смятеніе. Сухой трескъ винтовокъ оглушилъ его. Онъ зашатался на мѣстѣ.

— Пусти, пусти меня... — взвигнулъ онъ, рванулся прочь и, ставъ на четвереньки, хотѣлъ куда-то ползти.

— Въ атаку! Впередъ!... — послышался

чей то зычный, неестественно звенящій крикъ.

Преисполненный животнаго смертельнаго страха, Андрей завылъ.

— Чего завылъ!.. Бѣжимъ мамку спасать, не то ее убьютъ, — крикнулъ Иваненко и повлекъ его за собой.

Андрею показалось, что въ грудь его ударило что то громадное. Сердце оборвалось, потомъ заколотилось, въ мозгу все спуталось. Онъ побѣжалъ впередъ и сталъ дѣлать то же, что дѣлали всѣ. Въ ночномъ морозномъ воздухѣ баталіонъ, съ воемъ и крикомъ, ринулся впередъ на встрѣчу непріятелю. Отъ залповъ орудій, ружейной стрѣльбы, неистоваго воя и лязга стоялъ кошмарный хаосъ. Люди бѣжали, спотыкались, облитые кровью падали отъ ранъ, стонали, кричали и корчились въ мукахъ. При блѣдномъ сіяніи луны, ожесточенныя лица, искривленныя звѣрской злобой, съ глазами, горѣвшими безумнымъ огнемъ, — казались демоническимъ исчадіемъ ада. Отлетѣло все Божеское и человѣческое, осталось одно звѣриное. Въ животномъ страхѣ за собственную жизнь, съ неистовой злобой и силой, подымались руки, со скрежетомъ зубовъ падали удары прикладовъ, проламывая кости, и вонзались острія штыковъ въ мягкія тѣла, обливая ихъ кровью. Въ обезумѣвшемъ мозгу не было

мыслей — одинъ инстинктъ самосохраненія. Въ жестокой борьбѣ копошились и выли люди, заливая снѣгъ алыми лужами крови.

Баталіонъ дрогнулъ. Непріятель началъ одолѣвать...

— Куда?!... Куда?!... Вернись!... Братцы! — Раздался вопль командира. — Трусы, негодяи, назадъ! — заревѣлъ онъ, замахиваясь прикладомъ на бѣгущихъ обратно солдатъ. Но дикая толпа ринулась назадъ, давя и опрокидывая другъ друга.

— За мной! Ура! Всѣхъ переколочу! Иваненко, ко мнѣ! — вдругъ раздался громовой, полный дикаго напряженія, голосъ Андрея.

— Урра! Урра!.. — отвѣтило нѣсколько голосовъ. Произошло минутное замѣшательство.

Небольшая горсть людей, бѣгущихъ къ окопамъ, повернула обратно; за ними бросились другіе, и весь баталіонъ, съ дикимъ крикомъ урра! отъ котораго у самихъ забѣгалъ морозъ по кожѣ, съ новымъ, всѣхъ охватившимъ ожесточеніемъ, ринулся на врага. Впереди всѣхъ, съ обезумѣвшимъ и перекошеннымъ лицомъ, съ опущенной книзу, какъ у разъяреннаго быка, головой, дрался Андрей. Съ помутившимся мозгомъ, рыча и стиснувъ зубы, онъ наносилъ, съ невѣроятной быстротой и силой, страшные удары на-

право и налѣво. Вокругъ него падали съ воплемъ и стономъ искалѣченные и умирающіе люди.

Нѣмцы не выдержали атаки, дрогнули и бросились бѣжать. Баталіонъ догонялъ ихъ пулями и ударами штыковъ и прикладовъ. Непріятельскіе пулеметы, взявшіе слишкомъ низкій прицѣлъ, начали скашивать своихъ-же. Нѣмцы частью были перебиты, частью бѣжали.

Въ мутномъ свѣтѣ, подернутой облакомъ, луны, подлѣ окровавленной кучи труповъ, стоялъ Андрей. Онъ пришелъ въ себя отъ сильнаго, болѣзненнаго припадка. Глаза были мутны, все тѣло опустилось, спина сгорбилась. Онъ тяжело дышалъ и, не отрываясь, смотрѣлъ на трупы убитыхъ имъ людей, не замѣчая опасности отъ свистѣвшихъ вокругъ него пуль непріятельскаго пулемета.

— Слышь, пулеметы жарятъ... Иди, баринъ... — подбѣжалъ къ нему Иваненко, все время дравшійся рядомъ съ нимъ. — Да иди же, Христа ради... — потянулъ онъ его за рукавъ, видя, что тотъ продолжаетъ стоять и, какъ будто, не видитъ и не слышитъ его.

— Онъ стонетъ... послушай, Иваненко... онъ кажется... стонетъ... — глухимъ голосомъ произнесъ Андрей. У него дро-

жали челюсти и тряслись колѣна. Блуждающіе глаза были мутны.

— Шутъ съ нимъ!.. Уходи ты, Христомъ Богомъ тебя молю,--съ отчаяніемъ въ голосѣ взмолился Иваненко, стараясь оттащить Андрея, но тотъ, весь дрожа и къ чему то прислушиваясь, наклонился впередъ. До его слуха донесся тихій, жалобный стонъ лежащаго навзничь германскаго офицера, вокругъ котораго весь снѣгъ былъ окрашенъ кровью.

— Онъ стонетъ!.. стонетъ!.. пусти... оставь меня... я его убилъ!.. а-а-а... — вдругъ зарыдалъ Андрей и повалился на колѣни. Онъ взялъ голову раненаго въ обѣ руки и, низко склонившись надъ нимъ и заглядывая ему въ широко открытые, уже обвѣянные смертью глаза, громко рыдалъ, роняя слезы на лицо умирающаго.

— Убьютъ тебя, говорю, что убьютъ... кинь ты его!.. Нешто не видишь, что умираетъ... уходи отселева... — молилъ Иваненко, но его слова не долетали до слуха Андрея. Поднявшись на ноги, онъ наклонился, схватилъ офицера поперекъ тѣла и, поднявъ его и прижимая къ груди, безъ усилія понесъ, не отрывая глазъ отъ его лица и продолжая во весь голосъ плакать. Андрей шагалъ, прихрамывая и волоча ногу. Пули со свистомъ пролетали мимо или ударялись подлѣ него въ рыхлый снѣгъ.

Вдругъ онъ споткнулся, зашатался, охнулъ и, вмѣстѣ съ ношей, мягко осѣлъ на землю. Одной рукой продолжая обнимать уже мертваго офицера, другой онъ схватился за грудь, изъ которой вырвался клокочущій хрипъ. Голова его откинулась назадъ, зрачки широко открылись... Изъ раны хлынула кровь. Онъ сдѣлалъ усиліе, приподнялся, слабо крикнулъ — Мама! и, упавъ головой на грудь убитаго имъ врага, отдалъ Богу свою тоскующую душу.

СТРАННОЕ ПРОИЗШЕСТВІЕ

Слегка морозило, порошилъ мелкій снѣгъ. У генералъ-губернатора начинался съѣздъ гостей, къ встрѣчѣ новаго года. Къ парадному крыльцу большого стариннаго дома съ крытымъ на колоннахъ подъѣздомъ, то и дѣло подкатывали кареты и сани. Два городовыхъ строго и степенно слѣдили за тѣмъ, чтобы соблюдалась очередь и чтобы «Ваньки» немедля сворачивали въ сторону, не путаясь между собственными экипажами.

Георгій Анатольевичъ — или Гоша — торопливо одѣвался, чтобы тоже ѣхать на генернлъ-губернаторскій балъ, тщательно слѣдя за малѣйшей подробностью своего туалета. Онъ только въ этомъ году окончилъ Лицей и еще не успѣлъ привыкнуть къ радостному чувству видѣть себя въ прекрасно сшитомъ смокингѣ, который отлично облегалъ его невысокую подвижную фигуру. Онъ весь былъ переполненъ той громадной дѣтской радостью, которую испытывалъ почти каждый изъ насъ въ юные годы, когда весь міръ — необъятный праздникъ, когда всѣ люди кажутся ласково-благожелательными, когда такъ легко и такъ

естественно открывать имъ «всю душу» и чувствовать себя всѣми любимымъ, потому что любишь самъ.

Онъ былъ счастливъ еще и потому, что лишь нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ изъ столицы, получивъ благодаря связямъ бабки, мѣсто чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. Это было его первое появленіе въ незнакомомъ ему «большомъ свѣтѣ» этого города. Послѣ оффиціальнаго визита, генералъ-губернаторша пригласила его къ себѣ на балъ и, зная отъ общихъ знакомыхъ, что онъ былъ изъ ряда выдающійся піанистъ, просила обязательно что нибудь съиграть.

Гоша не сомнѣвался, что здѣсь, какъ и въ столичномъ кругу, онъ скоро завоюетъ общія симпатіи, благодаря неудержимо веселому характеру, умѣнью со всѣми ладить и исключительной многосторонней талантливости.

Уже готовый къ отъѣзду, Гоша на минуту призадумался надъ дилеммой: остаться ли ему въ пенсъ-нэ или же надѣть монокль, который онъ, украдкой отъ семьи, купилъ передъ отъѣздомъ изъ столицы. Онъ былъ увѣренъ, что «постъ» чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ требовалъ отъ его лица, съ лукаво-мальчишескимъ выраженіемъ, большей солидности и,

главное, больше «тона». Смущала немного мысль, что, при близорукости, онъ, безъ пенсъ-нэ, не такъ хорошо будетъ видѣть. Вопросъ остался не рѣшеннымъ, а потому онъ положилъ въ карманъ монокль, и, взвинченный праздникомъ своей юной жизни, стремительно сбѣжалъ съ лѣстницы отеля, высмотрѣлъ хорошаго извощика и помчался по оживленнымъ улицамъ большого города. Все было бѣло, всюду искрился радужными звѣздами чистый, весь день падавшій снѣгъ.

— Ахъ, какъ чудесно жить,—мысленно повторялъ онъ, всей грудью вдыхая чистый морозный воздухъ и любуясь искрами падающаго сухого, щекочущаго снѣга.

Онъ на ходу выскочилъ изъ саней, сунулъ «Ванькѣ», вмѣсто тридцати копѣекъ, серебряный рубль, и вбѣжалъ въ огромный вестибюль, гдѣ нѣсколько лакеевъ торопливо помогали гостямъ снимать шубы.

Щуря близорукіе глаза, онъ, подымаясь по лѣстницѣ, снялъ пенсъ-нэ, вставилъ монокль и, съ радостно-бьющимся сердцемъ, вошелъ въ залъ, у дверей котораго стоялъ сѣдой благообразный лакей въ черныхъ шолковыхъ чулкахъ и туфляхъ съ пряжками.

Парадныя комнаты были переполнены гостями. Гошѣ не сразу удалось оты-

скать и подойти къ хозяйкѣ дома, блестящая красота которой одерживала побѣду надъ закономъ неумолимыхъ годовъ.

— Какая душка! — въ восторгѣ подумалъ онъ, цѣлуя ея рездушенную, красивую руку.

— Послушайте... — она запнулась, — простите, я забыла... Кажется, Георгій... а дальше?

— О, пожалуйста, называйте меня просто — Гоша. Меня такъ всѣ зовутъ въ Петербургѣ.

— Ну, отлично, — усмѣхнулась генералъ-губернаторша. — Послушайте, Гоша, вы дирижируете?

— Такъ точно.

— Хорошо?

— Говорятъ въ столицѣ, что очень хорошо.

— Въ такомъ случаѣ, отыщите Бориса — вы вѣдь знакомы съ моимъ старшимъ сыномъ?.. Да... правовѣдъ... такъ вотъ, отыщите его и скажите, что не надо хлопотать, такъ какъ вы будете вторымъ дирижеромъ.

— Слушаю-сь.

— И вообще, будьте милый и помогите Борису съ котильонными цвѣтами и со всѣмъ, что тамъ надо.

— Съ удовольствіемъ.

— Вы когда хотите играть? Я думаю,

лучше до ужина... Часовъ около одиннадцати съ половиной. Я сдѣлаю между танцами антр-актъ. Вы что будете играть?

— Прелюдъ Рахманинова, рапсодію Листа и Грига.

— S'est parfait! — — Красавица ласково улыбнулась юношѣ и пошла навстрѣчу именитой гостьѣ.

Въ бальномъ залѣ только что открывали окна, такъ какъ, послѣ танцевъ, стало душно. Послѣ, слегка дурманящей, атмосферы цвѣтовъ и духовъ, гости съ удовольствіемъ входили въ громадный прохладный залъ съ хорами для оркестра, вдыхая въ разгоряченныя легкія свѣжій, пахнувшій снѣгомъ, воздухъ. Большой концертный рояль былъ выдвинутъ впередъ. Лакей поднялъ верхнюю крышку и придвинулъ плетеный вѣнскій табуретъ. Гости разсаживались на золоченыхъ стульяхъ вдоль стѣнъ, подъ громадными зеркалами, отражавшими блескъ хрустальныхъ люстръ и нарядную толпу гостей.

Генералъ-губернаторша, продолжая расточать любезныя улыбки, слегка волновалась, не увѣренная, съумѣетъ ли юный піанистъ оправдать свою музыкальную репутацію.

Пробѣжавъ осторожными пальцами по клавишамъ, Гоша на секунду остановил-

ся, сосредоточился и взялъ первый аккордъ... Изъ подъ бѣлыхъ нервныхъ пальцевъ полились чудесные, полные души, звуки, отражавшіе въ себѣ сложную, тонкую натуру чуткаго юноши. Невидимые токи, бѣгущіе вслѣдъ за звуками, эти тончайшія струны, соединяющія душу съ небесами, протянулись черезъ весь залъ, объединяя всѣхъ въ одномъ общемъ переживаніи того, что переживала въ эти минуты душа артиста.

Когда Гоша окончилъ, длилось минутная сосредоточенная тишина. Затѣмъ раздались дружные апплодисменты.

— Сколько души!.. Какая экспрессія!.. Quelle vélocité... Mais c'est un vrai talent! Кто это такой?... — Слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Прекрасно, прекрасно, молодой человѣкъ! Благодарю васъ отъ души, — говорилъ хозяинъ дома, почтенный сановникъ, ласково похлопывая его по плечу.

Молодежь окружила Гошу, высказывая свой восторгъ.

— Мама п'госитъ васъ п'гойти къ ней въ гостинную, — услышалъ онъ за своей спиной картавый голосъ Бориса — сына хозяйки дома, семнадцатилѣтняго правовѣда, толстяка и добродушнаго лѣнтяя съ пухлыми губами и розовыми щеками. Онъ взялъ Гошу подъ руку.

— Мама тамъ сидитъ со старухой... — онъ назвалъ имя, близкаго ко двору лица, — такъ вы тамъ поосторожнѣе будьте, а то она, знаете, всякое лыко въ строку, и если что нибудь не по ея вкусу ляпнете, такъ она такъ при всѣхъ отдѣлаетъ, что не скоро забудете. Я отъ ея, какъ отъ чумы, подальше. Несносная старуха. Ее всѣ, даже мама, побаиваются.

Гоша вошелъ въ гостиную стиля Людовика XV, гдѣ группами сидѣли и стояли гости.

На диванѣ возсѣдала толстая, въ лиловомъ шолковомъ платьѣ, старуха, съ прекрасной серебристо-бѣлой, пышной шевелюрой, съ громадными бриллiантами въ ушахъ и на груди. Рядомъ съ ней сидѣла хозяйка.

— Очень рада, что у Ольги Леонтьевны такой талантливый внукъ, — обратилась къ Гошѣ старуха. — Напишите ей, что вы доставили всѣмъ намъ un vrai plaisir.

Гоша почтительно дотронулся губами до пухлой красноватой руки, сiяющей драгоцѣнными каменьями.

Лакей, обносившiй на большомъ серебряномъ подносѣ чай, подошелъ къ дивану. Хозяйка поставила передъ гостьей чашку съ чаемъ.

— А тортъ? — тихо обратилась она къ лакею.

Тотъ повелъ глазами вбокъ. Хозяйка поняла и нагнула голову въ знакъ одобренія. Громадный тортъ стоялъ подлѣ дивана со стороны старухи на золоченомъ табуретѣ.

— Можно вамъ предолжить кусочекъ торта? — обратилась хозяйка къ именитой гостьѣ, но та, не слыша или, дѣлая видъ, что не слышитъ, повернула въ сторону Гоши расплывшееся, съ двойнымъ подбородкомъ, лицо:

— Присядьте и разскажите мнѣ о вашей grand'maman; мы съ ней не видѣлись уже лѣтъ пять, съ тѣхъ поръ, какъ она засѣла у себя въ имѣніи. Это правда, что она ходитъ въ монашеской рясѣ?

Изъ зала донеслись звуки вальса. Гошѣ хотѣлось пригласить хорошенькую, сильньо нравившуюся ему барышню, чтобы легко и радостно скользить подъ звуки оркестра по скользкому, какъ ледъ, паркету громаднаго, сіяющаго огнями, зала; однако, онъ ничѣмъ не выдалъ этого желанія и, учтиво отвѣчая на вопросы старухи, не оборачиваясь, потянулъ ногой, стоявшій немного позади, табуретъ на золоченыхъ ножкахъ и опустился на него.

— Ахъ!.. — раздался испуганный возгласъ рядомъ сидѣвшихъ дамъ.

Гоша оторопѣлъ.

— Тортъ!.. тортъ!.. встаньте!..

Какъ ужаленный, не понимая, въ чемъ дѣло, Гоша стремительно вскочилъ.

Вся верхняя часть бѣло-розоваго кремоваго торта была у него на смокингѣ и ниже смокинга. По близорукости, онъ не отличилъ розоваго торта отъ шолковой оббивки гостиной — палевой, съ тѣснеными розово блѣдными цвѣтами. Не вѣдая, что толстый слой крема, въ видѣ круга, прилипъ къ его сидѣнью, онъ, въ замѣшательствѣ, совершенно оторопѣлый, не понимая, чего отъ него желаютъ, быстро пересѣлъ на другой, рядомъ стоявшій, стулъ.

— Ахъ!.. — опять раздался единодушный отчаянный возгласъ и, вслѣдъ за нимъ, кто то дико, неудержимо-раскатисто, загоготалъ...

— Борисъ!.. — строго произнесла генералъ-губернаторша.

— Встаньте... вы весь тортъ прилѣпили на себя, а потомъ на стулъ, — бросился къ Гошѣ Борисъ, давясь отъ хохота.

Гоша вскочилъ и, весь красный, сразу вспотѣвшій отъ страшнаго конфуза, завертѣлся на мѣстѣ, не зная что предпринять.

Кремъ, отчасти прилипъ къ стулу, отчасти висѣлъ страннымъ нелѣпымъ украшеніемъ сзади смокинга.

Дамы отшатнулись, въ страхѣ за свои туалеты.

— Да помогите же ему, несчастному! — строго вступилась старуха, уловивъ на лицѣ Гоши выраженіе отчаянія.

Борисъ, прыская отъ еле сдерживаемаго хохота, подхватилъ Гошу подъ руку и быстро увлекъ изъ гостиной. Пришлось пробѣжать черезъ рядъ парадныхъ комнатъ; всюду были гости. Вбѣжали въ буфетную. Блѣдный, готовый расплакаться, Гоша скинулъ свой любимый, новенькій смокингъ и схватился за голову. Борисъ отъ хохота подпрыгивалъ, дергался, ерошилъ себѣ волосы и кулаками вытиралъ влажные отъ смѣха глаза.

— Вотъ такъ убрались, можно сказать!... Вотъ-те и столичный кавалеръ!.. На балъ пріѣхали!.. — приговаривалъ старикъ лакей, снимая кремъ ножомъ и оттирая платье мокрымъ полотенцемъ.

— А сзади-то... На панталонахъ! Каг'тина, я вамъ скажу! Охъ, не могу, не могу! — заливался Борисъ. — А я то хлопоталъ, спеціально ѣздилъ заказывать... Мама говог'итъ: ты вели, чтобы побольше кг'ему положили... вотъ и положили!.. кг'емъ... Хог'ошо отвѣдали тог'та... по-по-тг'удились послѣ концег'та!.. а потомъ... вол... волчкомъ еще вег'тѣться стали... съ кг'е... момъ... вмѣстѣ...

Борисъ захлебывался, взвизгивалъ, дрыгалъ руками и ногами.

— Ну ужъ, полно вамъ; смѣшного то мало! — пробовалъ его успокоить старикъ лакей, но Борисъ не могъ остановиться.

Гоша начиналъ чувствовать злобу къ этому толстяку.

— Пожалуйста, проведите меня внизъ; нельзя ли какъ нибудь боковымъ ходомъ, — обратился онъ къ лакею.

— Вотъ чушь выдумали! — сразу перестал хохотать толстякъ. — Неужели вы хотите уѣхать?

— А вы думали, я останусь послѣ такого скандала?!

— Да бг'осьте вы! Экая дичь! Вѣдь вы же диг'ижируете.

— Вы смѣетесь надо мной, что ли?! — вспылилъ Гоша. — Скажите вашей матушкѣ, что я очень извиняюсь, что я очень огорченъ... — Онъ не договорилъ, чувствуя въ горлѣ нервный комокъ.

Когда всѣ часы въ генералъ-губернаторскомъ домѣ били двѣнадцать, Гоша, лежа ничкомъ на своей кровати, плакалъ горькими слезами. Онъ считалъ всю свою карьеру испорченной, видѣлъ картину отъѣзда, мысленно составлялъ отчаяннаго содержанія письмо къ родителямъ и ничего больше не желалъ, какъ

уѣхать къ бабкѣ и навсегда зарыться въ резно.

Утромъ онъ проснулся поздно и въ ужасѣ вспоминалъ все, случившееся съ нимъ наканунѣ. Онъ долго сидѣлъ на кровати съ взлохмаченной головой, съ желаніемъ плакать. Наконецъ одѣлся и сѣлъ писать родителямъ отчаянное письмо.

Раздался стукъ въ дверь. Вошелъ ливрейный лакей и подалъ письмо. Гоша прочелъ и вспыхнулъ: записка была отъ старухи въ лиловомъ платьѣ. Въ ласковомъ тонѣ, она приглашала его непремѣнно быть у нея въ этотъ вечеръ, и непремѣнно привезти съ собой ноты... «Послушаемъ васъ, потомъ потанцуете, а о вчерашнемъ никто больше и не помнитъ»... заканчивала свое письмо именитая старуха.

Гоша сунулъ лакею трехрублевую бумажку и, когда тотъ вышелъ изъ комнаты, весь просіявшій, расцѣловалъ письмо съ крупнымъ старческимъ почеркомъ.

ВЪ ВАГОНѢ.

Скорый поѣздъ отошелъ, громыхая колесами и покачиваясь. Пассажиры размѣщали ручной багажъ и приготовлялись ко сну. Былъ одиннадцатый часъ ночи. Въ купэ спальнаго вагона насъ оказалось трое: миловидная, худенькая барышня брюнетка, полная, рыжеватая дама среднихъ лѣтъ и я.

— Я вамъ не мѣшаю? — обратилась она ко мнѣ. — Пожалуста, разоблачайтесь. Въ дорогѣ надо устраиваться такъ, чтобы всѣмъ было удобно. До Берлина далеко. Вы куда ѣдете?

— Я — въ Парижъ.

— А вы, мадемуазель, не въ Берлинъ? — обратилась она къ барышнѣ, взобравшейся наверхъ, распустившей длинные темные волосы и заплетавшей ихъ въ косу.

— Я ѣду въ Давосъ.

— Вонъ вы куда! Значитъ, лечиться?

— Да, лечиться и на два года.

— Ахъ, какъ это грустно лечиться въ молодые годы! Да что же дѣлать, коли надо!

Завернувъ голову шарфомъ и надѣвъ капотъ, она развернула одинъ изъ па-

кетовъ, оказавшійся конфетами и принялась ими усердно насъ подчивать. Не прошло и часу, какъ мы знали уже многое изъ ея жизни: она была вдова недавно умершаго генерала и ѣхала до весны въ Швейцарію; въ Лугѣ должна была сѣсть ея дальняя родственница, которую ей поручили устроить въ Берлинѣ въ санаторіи.

— Для нее и мѣсто вотъ это на верху заказано, — пояснила она, указывая на четвертое незанятое мѣсто. — Конечно, надо же кому нибудь довезти ее, а только, сознаюсь, что слишкомъ большую обузу на себя взяла. Молоденькая девятнадцатилѣтняя дамочка. Доктора говорятъ анемія мозга, а я думаю, что не мало капризу и распущенности... До Луги я и спать не буду. Успокоюсь, когда сядетъ.

Генеральша плотно задвинула дверь и легла.

Заложивъ руки подъ голову и протянувшись, я съ наслажденіемъ отдавалась ритмичному колебанію быстро мчавшагося поѣзда и, сквозь щель неплотно задернутой щелки окна, слѣдила за дождемъ искръ, летѣвшихъ изъ паровоза въ густой черной тьмѣ. Электрическій шаръ на потолкѣ былъ задернутъ синей тафтой. Въ купѣ было тепло и уютно. Мысли мчались и перегоняли поѣздъ. Мало-

по-малу, погружаясь въ сладкую истому, я крѣпко уснула.

Въ купэ было свѣтло и солнечно, когда я проснулась утромъ. Генеральша, уже одѣтая и причесанная, обильно пудрила лицо и обводила краснымъ карандашемъ губы, сидя на аккуратно сложенной постелѣ.

— Ну, вотъ вы и проснулись! Сейчасъ можно напиться кофе; я уже заказала, — весело обратилась она ко мнѣ. Въ ту же минуту шумно отодвинулась дверь, и на большомъ подносѣ лакей внесъ кофе, сливки и булочки.

— Милочка, вотъ вамъ кофе, берите скорѣе, — протягивая стаканъ на верхъ, проговорила генеральша.

— Не надо, я не хочу, — тихо отозвался кто-то сверху.

— Какъ, не хочу? Развѣ можно съ утра ничего не ѣсть! Вамъ необходимо подкрѣпиться.

— Оставьте меня, Людмила Николаевна, я все равно не стану пить кофе.

— Ахъ, какая капризница! — неодобрительнымъ тономъ произнесла генеральша, въ то же время многозначительно мигая мнѣ. «Вотъ оно началось», поняла я изъ этой мимики.

— Милочка, а Милочка! Слѣзайте внизъ, — опять обратилась генеральша къ невидимой пассажиркѣ, когда кофе

былъ убранъ и мы одѣты. — Уже одиннадцать часовъ. Пусть кондукторъ верхъ спуститъ, а то вѣдь тутъ не повернуться.

На верху зашевелились, и черезъ минуту, осторожно ступая по ступенькамъ приставной лѣстницы, спустилась маленькая, щупленькая блѣдная женщина-ребенокъ, съ пышными золотистыми волосами и громадными сѣрыми глазами на худенькомъ продолговатомъ личикѣ. Она окинула насъ быстрымъ взглядомъ и, сѣвъ въ уголъ дивана, опустила глаза и осталась неподвижной. Миловидная датчанка, ѣхавшая въ Давосъ и я взялись за книжки. Однако, я не читала: сквозь полуопущенныя рѣсницы я слѣдила за Милочкой, которая, облокотясь теперь о столъ и положивъ подбородокъ на ладонь, упорно смотрѣла на полотно дороги. Генеральша что то перебирала въ своемъ сакѣ, украдкой поглядывая на Милочку.

— Что жъ это вы, Милочка, сидите непричесанная и немытая? Давно-бы ужъ пора. Смотрите, тутъ съ вами сидятъ такія милыя и изящныя дамы, свѣжія и нарядныя, а вы точно сандрильона, — ласково ворчливымъ голосомъ обратилась она къ ней.

— Мнѣ это все равно, — не измѣняя позы, невозмутимо отвѣтила Милочка.

— Очень жаль, что вамъ все равно. Вы не дѣвочка, а взрослая женщина и мать.

— Какая я мать! У меня отняли ребенка, — дернула плечомъ Милочка.

— Ужъ и отняли! Никто не отнималъ, а изъ благоразумія вашъ мужъ взялъ его къ себѣ, пока вы въ санаторіи полечитесь.

— Я не просила объ этомъ. Меня силой отправляютъ.

— Ужъ это вы глупости говорите! Никто силою отправить васъ не можетъ: вы не дитя. Вамъ надо Бога благодарить, что ваша тетушка заботится о васъ и что всѣ расходы на леченіе беретъ на себя. Развѣ вы можете воспитывать ребенка съ такими разстроенными нервами. Какая вы мать и жена!...

— Я и не желаю быть его женой!.. — вдругъ рѣзко обернулась Милочка. Глаза потемнѣли, углы губъ опустились. — Я не хочу съ нимъ жить... онъ не смѣетъ заставить меня... я его ненавижу... и всѣхъ ненавижу... всѣ злые, гадкіе... думаютъ, какъ бы мнѣ жизнь отравить! — У Милочки сорвался голосъ. Она закрыла лицо руками, но не заплакала.

— Что это вы, Милочка, за представленіе даете!.. Вы не на сценѣ, и мы не въ театрѣ. Постѣсняйтесь чужихъ!

— Очень мнѣ надо стѣсняться!. Со мной никто не стѣсняется!

Милочка опять повернулась къ окну. Генеральша, поглядывая на насъ, многозначительно покачала головой.

— Ну, довольно вамъ дуться! Причешитесь и умойтесь.

Милочка не отвѣчала.

— Дайте-ка мнѣ ключъ, я открою вамъ несессеръ.

— Я не знаю, гдѣ ключъ.

— Какъ вы не знаете?!

Милочка молчала.

— Да вы хуже ребенка! Я взялась васъ отвезти въ санаторію, для этого въ Берлинъ заѣзжаю, а вы такъ нелюбезны ко мнѣ.

— Господи, да почемъ я знаю, гдѣ ключъ! Поищите сами. — Милочка протянула маленькій ручной сакъ.

Ключъ нашелся. Несессеръ былъ открытъ, и Милочка, съ уговорами, наконецъ, причесалась и умылась. Сколько ее ни упрашивала генеральша, она упорно отказалась что нибудь съѣсть изъ провизіонной корзинки, которую ей дали на дорогу. Закутавшись въ большой оренбургскій платокъ, она, молча, изподлобья поглядывала на меня. Поймавъ на себѣ мой взглядъ, она вдругъ вспыхнула и быстро заговорила:

— Я не поѣду въ Берлинъ, Людмила Николаевна. Какъ хотите, а я ни за что не поѣду!

— Слава тебѣ Господи! Это еще что за новости? Куда же вы дѣнетесь?

— Поѣду въ другое мѣсто... Въ Ниццу или въ Италію.

— Что же вы тамъ будете дѣлать? Да и на какія деньги вы поѣдете?

— На эти же самыя и поѣду.

— Что вы, Милочка! Развѣ я могу отдать вамъ довѣренныя мнѣ на санаторію деньги?! Вы съ деньгами и обращаться еще не умѣете, а собираетесь одна въ Ниццу ѣхать. Тетушка разсказывала, какъ поручила вамъ капоръ для ребенка купить, а вы всѣ сто рублей неизвѣстно на что истратили.

— Нужно было, такъ и истратила. Экая важность! А въ Берлинъ я не поѣду. Останусь на границѣ. А вы поѣзжайте куда вамъ угодно.

Генеральша всплеснула руками. У Милочки брови изогнулись капризной ломанной дугой, и углы рта опустились еще больше.

— Меня въ санаторіи будутъ подъ замкомъ держать, никуда выйти не дадутъ. Я слышала, какъ тетя васъ просила съ докторомъ поговорить. Сумасшедшую изъ меня сдѣлать хотятъ, а я вотъ брошусь подъ поѣздъ, тогда будете знать...

— Бога вы не боитесь, такъ клеветать на вашу тетушку за всѣ ея заботы о васъ!

Генеральша начала урезонивать Милочку, но отъ первыхъ же ея словъ та зло разрыдалась, повторяя, что она всѣхъ ненавидитъ, и что она слишкомъ горда, чтобы нуждаться въ людскомъ сочувствіи. Она сорвалась съ мѣста и выбѣжала изъ купэ.

— Видите, видите, что за капризница! — волнуясь заговорила генеральша. — Только бы благополучно съ ней границу переѣхать. Слава Богу, что она сразу всѣ деньги мнѣ передала, а то ее не удержать бы.

До границы Милочка больше не капризничала, и вечеромъ въ Эйдткуненѣ мы благополучно вышли изъ вагона. Генеральша, ѣхавшая за границу первый разъ, волновалась, суетилась, не отходила отъ вещей, и Милочка была предоставлена самой себѣ. Она стояла поотдаль, безучастно глядя передъ собой. и нисколько не заботясь о своемъ багажѣ.

Послѣ осмотра вещей, всѣ двинулись въ общій залъ. До отхода поѣзда времени оставалось еще много и можно было поужинать. Генеральша, разрумянившаяся и оживленная, сѣвъ за столъ, весело острила на счетъ маленькихъ нѣмецкихъ порцій, и своимъ громкимъ говоромъ оживляла сонное настроеніе публики, ожидающей поѣзда.

Милочка сидѣла немного поотдаль напротивъ меня.

— Что же вы не кушаете, Милочка? Котлетка очень вкусная, — обратилась къ ней генеральша, видя ея безучастную позу.

— Пусть простынетъ.

Я взглянула на Милочку и неожиданно уловила ея быстрый взглядъ всторону. Посмотрѣвъ по тому-же направленію я перехватила очень выразительный взглядъ на Милочку толстаго, громаднаго, мало интереснаго по наружности, господина, ѣхавшаго въ сосѣднемъ съ нами купэ. Я его видѣла подлѣ насъ въ корридорѣ вагона, когда мы подъѣзжали къ границѣ.

Когда генеральша второй разъ напомнила Милочкѣ объ ѣдѣ, она капризно отодвинула тарелку и сѣла въ полуоборотъ къ столу.

— Не хочу я ѣсть... оставьте меня въ покоѣ.

— Да что вы, Милочка, опять фокусничаете! То благоразумно согласились, то опять не хочу. Вѣдь вы сутки ничего во рту не имѣли. Шутка-ли это! Съ вами можетъ обморокъ отъ истощенія сдѣлаться.

— Ну и пусть... тѣмъ лучше! — повторяла Милочка, сдѣлавъ до смѣшного капризное лицо. Вскорѣ пришелъ нашъ

«трегеръ», и мы помѣстились въ вагоны. Насъ разъединили: я оказалась въ одномъ купэ съ милой Датчанкой, съ которой я подѣлилась моими наблюденіями надъ Милочкой.

— Мнѣ кажется, что она должна быть истеричка. Мнѣ приходилось въ санаторіяхъ встрѣчать подобные типы; съ ними очень трудно имѣть дѣло, — замѣтила Датчанка.

Вспомнивъ, что Милочкѣ хотѣлось фруктовъ, не оказавшихся на станціи, я взяла изъ провизіонной корзинки оставшійся у меня виноградъ и пошла разыскивать ея купэ. Она оказалась въ сосѣднемъ вагонѣ. Генеральша хлопотала и устраивалась на ночь, а Милочка безучастно сидѣла въ углу. Она встрѣтила меня хмуро, виноградъ взяла неохотно, но мало-по-малу съѣла его весь. На прощанье она притянула меня къ себѣ, крѣпко поцѣловала, просила называть Милочкой и обѣщала сейчасъ же лечь спать.

Я вернулась въ свое купэ вмѣстѣ съ генеральшей, которой очевидно хотѣлось поболтать на сонъ грядущій. Посидѣвъ съ нами около полу-часу, она привѣтливо распрощалась съ нами и отправилась къ себѣ. Я быстро раздѣлась и только что хотѣла уменьшить свѣтъ, какъ дверь открылась, и опять вошла генеральша. Видъ у нея былъ очень разстроенный:

прическа сбилась, и она порывисто дышала:

— Я вамъ говорила, что съ Милочкой будетъ возня, — такъ и есть! — быстро заговорила она. — Вообразите себѣ: вхожу я, вернувшись отъ васъ, въ купэ и — что бы вы думали? Рядомъ съ Милочкой сидитъ толстый господинъ, что въ сосѣднемъ купэ днемъ съ нами ѣхалъ, и о чемъ-то съ ней бесѣдуетъ. Какъ увидалъ меня, что то пробурчалъ и шмыгъ въ дверь.

— Что это за срамъ, говорю я ей. Какъ это онъ могъ позволить себѣ въ чужое купэ входить!

— Скажите пожалуйста, отвѣчаетъ она, да такъ дерзко, — вы можете ходить къ другимъ, а ко мнѣ никто и войти не смѣетъ.

— Да вѣдь я не мужчина, — разница большая.

— Не всѣмъ-же быть дамами, отвѣчаетъ она. — Каково? Ну, что мнѣ съ ней дѣлать! Какова тихоня! Ахъ, скорѣй бы мнѣ съ ней раздѣлаться. Этакую отвѣтственность на себя взяла! И что у васъ съ нимъ за разговоры могутъ быть? — спрашиваю я ее.

— Мало-ли какіе, — отвѣчаетъ. — Онъ мнѣ сочувствуетъ, жалѣетъ меня.

— А что же ему жалѣть васъ? —

спрашиваю. — Вѣдь онъ васъ не знаетъ совсѣмъ.

— Можно и не знать, да быть чуткимъ и отзывчивымъ. Онъ меня понялъ...

— Нечего сказать, хорошо онъ васъ понялъ, если позволилъ себѣ безъ воротничка, въ ночныхъ туфляхъ явиться къ вамъ.

— Не онъ одинъ въ туфляхъ: теперь ночь; вотъ и вы въ туфляхъ и капотѣ ходите.

Хотя я и Датчанка старались успокоить генеральшу, однако, и намъ этотъ эпизодъ показался непріятнымъ для того состоянія, въ которомъ находилась Милочка. Генеральша, сокрушаясь, что мы раздѣлены и увѣряя, что она была-бы спокойнѣе въ одномъ купэ съ нами, отправилась къ себѣ, а мы, поговоривъ еще немного на тему происшедшаго, вскорѣ заснули.

Меня разбудилъ чей-то громкій голосъ и настойчивое прикосновеніе къ плечу. Я такъ хотѣла спать, что съ трудомъ открыла глаза: передо мною опять стояла генеральша одѣтая и причесанная, несмотря на то, что утро только слабо брезжило.

— Простите, что я разбудила васъ; до Берлина еще часа три, но я совсѣмъ голову потеряла съ Милочкой, — возбуж-

денно заговорила она, усаживаясь на край дивана. — Ахъ, вотъ и вы, мадемуазель, проснулись. Ну, и слава Богу! Сейчасъ приведу ее сюда, а то лучше пойдемте къ ней.

— Да что же случилось? — въ одинъ голосъ спросила я и, спрыгнувшая внизъ, барышня.

Генеральша такъ разволновалась, что не находила словъ, то вставала, то опять садилась, поминутно нюхала изъ маленькаго флакончика англійскую соль и обмахивала носовымъ платкомъ разгоряченное, въ красныхъ пятнахъ, лицо.

— Да вы только послушайте, что она придумала. Вернулась я тогда отъ васъ и вижу, что она уже взобралась на верхъ, косу распустила, халатикъ надѣла и смирно лежитъ. Вы спите? — спрашиваю. — Да, отвѣчаетъ, спокойной ночи. Ну, думаю, и слава Богу, теперь до утра я спокойна. Пока я устраивалась и умащивглась, прошло съ полъ часа. Нарочно еще разъ обзываю: молчитъ. Только я завела глаза, слышу, она сверху осторожно слѣзаетъ, подходитъ къ зеркалу и давай причесываться. И такъ, и этакъ косу положитъ и все на меня оглядывается. Потомъ, достала изъ сумочки пудру и, какъ кошечка лапкой, такъ и водитъ по лицу. Каково, думаю себѣ: утромъ не уломать было умыться и причесаться, а тутъ

ночью пудра понадобилась. Потомъ, вижу, о-де-колонъ достала, обтерла шею и руки, оправила халатикъ, чуть-чуть пріоткрыла дверь и вонъ изъ купэ. Я подождала минутъ пять, — нѣтъ не возвращается. Накинула на плечи платокъ, вышла въ корридоръ — и тамъ ее нѣтъ. Я туда, сюда... нѣтъ, да и только! Думала, ужъ не къ вамъ ли пошла. А она, — гдѣ, бы вы думали? Стоитъ, прижавшись, за угломъ подлѣ площадки и тутъ же этотъ жирный нахалъ и за талію ее держитъ. У меня сердце такъ и обмерло! Подумайте, только: держитъ за талію! А Милочку и не узнать: вся разгорѣлась, глаза блестятъ... этакій срамъ! И не видятъ, что я тутъ же. Онъ лопочетъ ей что то по нѣмецки, жметъ руку. Я кашлянула. Онъ шагнулъ на площадку, а она еще разобидѣлась:

— Что вы за мною — говоритъ, — по пятамъ бѣгаете? Мнѣ не пять лѣтъ. — Я ее срамить, а она слово за слово. — Будете, говоритъ, такъ преслѣдовать меня, такъ я подъ поѣздъ брошусь. — Съ нее все станется. Я ее стала допрашивать. Говоритъ, что онъ очень почтенный и богатый господинъ, живетъ въ Берлинѣ, холостъ и обѣщалъ ей весь Берлинъ показать и развлекать ее.

— А вы ему, Милочка, сказали, что лечиться ѣдете? Спрашиваю.

— Очень мнѣ нужно разсказывать ему это. Да я ни за что въ санаторію, говоритъ, и не поѣду; я буду въ гостинницѣ жить, а если вы станете принуждать меню, я къ нему сбѣгу; скажу, что вы изъ меня сумасшедшую сдѣлать хотите. Онъ влюбленъ въ меня, и даже сознался, что хочетъ на мнѣ жениться.

— Я ее слушаю и просто ушамъ своимъ не вѣрю. Эдакій подлецъ! Какое ужъ тутъ спанье. Одѣлась и вотъ — къ вамъ. Поговорите съ ней, ради Бога; откройте ей глаза... — начала упрашивать меня генеральша.

Пока я одѣвалась, мы обсуждали вопросъ, какъ уберечь Милочку. Датчанка предложила слѣдующее: она, подъ какимъ нибудь предлогомъ, завяжетъ съ толстымъ нѣмцемъ знакомство, переведетъ разговоръ на Милочку, разскажетъ, что она совершенно больная и нервно разстроенная, что ей нуженъ полный покой и серьезное леченіе, и что въ санаторіи она будетъ, якобы, подъ присмотромъ тетки. Къ тому же она постарается вывѣдать отъ него, кто онъ самъ. Пока Датчанка оканчивала свой туалетъ, я вышла въ корридоръ.

Милочка опять разговаривала съ нѣмцемъ, стоя такъ близко подлѣ него, что казалось, будто онъ ее обнимаетъ. Она была неузнаваема: блѣдное личико по-

розовѣло и стало оживленнымъ, глаза горѣли, задорная улыбка играла на губахъ. Увидя меня, она отодвинулась отъ своего любезнаго кавалера, который, попыхивая крѣпкой сигарой, загромоздивъ проходъ своей огромной фигурой, оглядывалъ ее довольно безцеремоннымъ взглядомъ.

— Милочка, зачѣмъ вы такъ волнуете Людмилу Николаевну и пугаете ее, будто въ санаторію не поѣдете? — спросила я, когда она, вслѣдъ за мною, вошла въ купэ.

— Да я и не поѣду, ни за что не поѣду!

— Вы же обѣщали быть благоразумной.

— Теперь все измѣнилось. Этотъ господинъ очень, очень хорошій и умный, — возбужденно, вполголоса заговорила Милочка.—Онъ страшно мнѣ сочувствуетъ. Онъ не вѣритъ, что я замужемъ и что у меня ребенокъ есть... Говоритъ, что я сама еще ребенокъ и что мнѣ нуженъ вѣрный другъ и покровитель... Онъ говоритъ, что полюбилъ меня и будетъ дѣлать для меня все, что бы я ни захотѣла.

Я принялась разубѣждать Милочку, но она оказалась въ такомъ боевомъ настроеніи и такъ категорично отказывалась ѣхать въ санаторію, что продолжать съ ней споръ было безполезно, и я ее оставила.

Въ купэ я застала генеральшу въ самомъ сильномъ волненіи, а Датчанка, сидя на диванѣ и откинувъ голову на спинку, звонко хохотала.

— Вотъ такъ исторія! — ахала генеральша, — вотъ такъ романъ! Онъ оказывается и есть докторъ той самой санаторіи, куда мнѣ указано Милочку свезти. Это, какъ говорится, мышку отдать кошкѣ въ лапы...

Было рѣшено, что генеральша немедленно вызоветъ телеграммой тетку Милочки въ Берлинъ, а пока поселится съ ней въ отелѣ.

Между тѣмъ, поѣздъ мчался. Совсѣмъ разсвѣло, и до Берлина было недалеко. Въ дверяхъ купэ появилась Милочка въ шляпкѣ и котиковомъ пальто:

— Людмила Николаевна, такъ какъ мы уже подъѣзжаемъ къ Берлину, то я пришла сказать вамъ, что я передумала и въ санаторію ѣхать согласна.

Мы всѣ переглянулись. Бѣдную генеральшу бросило въ краску. Она безпомощно замахала руками въ сторону Милочки:

— Ахъ, какая вы мучительница! Я заболѣю изъ-за васъ... я голову съ вами теряю.

— Что-же вы опять недовольны, Людмила Николаевна? Вы хотѣли, чтобы я

ѣхала въ санаторію, — ну, вотъ я и согласилась. Сегодня же утромъ поѣду, вамъ нечего волноваться.

— Ужъ не этотъ ли жирный господинъ вамъ посовѣтовалъ? — спросила генеральша, бурно дыша отъ волненія.

— А хоть бы и онъ! Онъ меня полюбилъ и желаетъ мнѣ добра.

— Вы бы постыдились такія глупости при постороннихъ говорить! Этакій срамъ! Романъ затѣяли! Я умываю руки... отвезу васъ въ санаторію и сейчасъ же тетушкѣ телеграмму дамъ: пусть сама сторожитъ васъ.

— А для чего же мнѣ тетя? Я не малолѣтняя: что я хочу, то и дѣлаю...

Публика высыпала въ корридоръ, въ открытыя окна звали «трегеровъ». Холодный туманный воздухъ врывался въ купэ. Мы стали поспѣшно прощаться. Генеральша втихомолку крестилась и шептала молитву. Милочка, щуря глаза, и сдерживая усмѣшку, съ побѣдоноснымъ видомъ смотрѣла въ окно.

Толстый господинъ остановился снаружи у окна. Протянувъ Милочкѣ руку и долго задерживая ея руку въ своей, онъ что то говорилъ ей вполголоса. Милочка вспыхнула, звонко разсмѣялась и привѣтливо закивала ему головой.

— Каково! Ай да Милочка! — Съ не-

годованіемъ воскликнула генеральша. Милочка презрительно опустила углы рта, дернула плечикомъ и пошла къ выходу.

СОНЕЧКА.

Маленькая портниха Сонечка тайно перебралась черезъ границу и, безъ денегъ, безъ вещей, оказалась въ Берлинѣ. Городъ, съ его суматохой, яркими витринами, кафэ и ресторанами, сперва оглушилъ и ослѣпилъ ее послѣ угрюмой, звѣроподобной жизни, которую ей пришлось три года влачить въ Петроградѣ впроголодь и въ промерзлой комнатѣ, такъ какъ идти служить большевикамъ она наотрѣзъ отказалась.

Сонечкѣ удалось найти въ Берлинѣ кое какую поденную работу. Комнаты она не имѣла. Она ночевала въ корридорѣ за ширмой на узкомъ диванчикѣ. Возлѣ дивана она примостила сундукъ, на которомъ, вернувшись вечеромъ съ работы, зажигала маленькую керосиновую лампочку.

Писала Сонечка съ ужасающими орфографическими ошибками, не признавая ни падежей, ни знаковъ препинанія. Читать она любила запоемъ и, конечно, только романы, но передавала содержаніе прочитаннаго не только въ сбивчивой формѣ, но иногда и совсѣмъ коверкая его, измышляя собственное.

Очутившись въ Берлинѣ, Сонечка довольно скоро освоилась съ нѣмецкимъ языкомъ; исключительно по системѣ звукоподражанія, глотая и коверкая слова, она начала изъясняться. Миніатюрная, очень скромно, опрятно одѣтая, съ розовыми, несмотря на частую голодовку, щеками, съ подстриженными вьющимися рыжевато-бронзовыми волосами, проворная и веселая, Сонечка сразу завоевывала общую симпатію. Никто не могъ опредѣлить ея лѣтъ. Одни говорили, что ей нѣтъ и шестнадцати, другіе давали ей двадцать.

У Сонечки былъ талантъ, къ которому съ перваго раза относились шутя, а затѣмъ многіе заинтересовывались и искали случая встрѣтиться съ Сонечкой. Она гадала по картамъ, предсказывая самыя сложныя, ей самой не всегда понятныя, комбинаціи. Сонечка была незатѣйливая, мало развитая мѣщаночка, но душа у нея была высоко-культурная, кристаллически-чистая. Ничто темное, грязное и безчестное къ ней не приставало. Въ Берлинѣ она случайно встрѣтила на улицѣ свою Петроградскую пріятельницу Нюшу, бывшую въ былое время танцовщицей въ Акваріумѣ. Онѣ бросились другъ другу въ объятія и въ пять минутъ успѣли сообщить одна другой о своей настоящей жизни. Нюша, хорошенькая, нарядная, съ вызывающи-

ми манерами, много зарабатывала на фильмѣ, танцовала въ какомъ то кабарэ, пользовалась большимъ, хоть и мимолетнымъ успѣхомъ у мужчинъ и потому жила весело, ни въ чемъ не нуждалась. Въ Берлинѣ она находилась съ 1916 года и потому всѣ лишенія и ужасы, которыя пережила Сонечка у большевиковъ, были ей чужды.

Сонечка очень обрадовалась встрѣчѣ со своей хорошенькой и весело живущей подругой. Она часто забѣгала къ ней и, со свойственной ей добротой, выполняла всякія ея порученія. Сонечку легко покоряла красота, и, за смазливое личико Нюши, она часто исполняла ея капризы, хотя и не очень одобряла ея принципы. Всѣ увѣщанія Нюши, относившейся немного свысока къ скромненькой, незлобливой и простодушной подругѣ,—Сонечка пропускала мимо ушей.

— Просто ты, Сонька, махровая дура! Ни за что бы я не отказалась поужинать пойти. Сама голодная, а козыряешь.

— Очень надо мнѣ съ такимъ уродомъ въ ресторанъ ходить. Привяжется, тогда не отдѣлаешься.

— Глупая ты! Да вѣдь у него денегъ уйма. Тутъ не въ ужинѣ дѣло. Онъ который разъ тебя зоветъ, а ты носъ ворочаешь. Я бы на твоемъ мѣстѣ, сперва

поужинала, а потомъ въ гости зазвала бы...

— Хороши гости у меня въ корридорѣ...

— Ну, такъ сама къ нему пошла бы, и ужъ тутъ онъ не отвертѣлся бы отъ меня: одѣлъ бы съ головы до ногъ. Да не какъ попало, а шикарно.

— Очень мнѣ надо отъ такой морды подарки принимать, — дергала Сонечка худенькимъ плечикомъ.

— Ну, по моему лучше отъ морды подарокъ принять, чѣмъ щеголять въ старыхъ туфляхъ, не имѣть ни пальто, ни шляпки. Нечего сказать — весело!

— Конечно не весело! — задумчиво отвѣчала Сонечка, и глаза ея тускнѣли отъ грусти.

— Спишь въ корридорѣ, работаешь черную работу, ходишь трепанная. Развѣ это жизнь?! Слушайся меня. Плюнь на эти глупости. Съ мужчины надо драть во всю. Подай и все тутъ. А не желаетъ — пошелъ къ черту и никакихъ.

— Ну, а любовь? Безъ любви, значитъ?

— Это они мастера про любовь пѣсни пѣть такимъ дурамъ какъ ты. Меня не надуютъ. Коли желаютъ, такъ можно и съ любовью, а деньги все таки подай. А ты распускаешь слюни, воображаешь, что ни вѣсть какую поэзію разводишь. Пошла бы я черный кофе хлестать, да

еще безъ пирожныхъ, въ какомъ то паршивомъ кафэ со студентишкой, какъ ты на прошлой недѣлѣ! И что толку вышло? Прогуливалась съ нимъ три часа, туфли промочила, устала, прозябла, нахлесталась чернаго кофе и все тутъ. Удовольствіе, можно сказать!

— А я не понимаю, какъ это ты можешь, что ни недѣля, то мужчинъ мѣнять.

— Не понимаешь? А вотъ это понимаешь? — Нюша беззастѣнчивымъ жестомъ вздергивала юбку и показывала шелковое, отдѣланное кружевами «дессу», шелковый тоненькій чулокъ и замшевыя туфельки на маленькихъ ножкахъ.

У Сонечки мелькала на губахъ неопредѣленная улыбка:

— Что жъ. И у меня когда нибудь будетъ.

— Жди, пока будетъ, а у меня уже есть.

— Ну и носи. Я тебѣ не завидую, — покорно возражала Сонечка.

Она уходила, послѣ такихъ разговоровъ съ подругой, задумчивая и немного разстроенная. Однако, въ ближайшіе же дни опять подолгу гуляла со студентомъ по Тиргартену, промачивала ноги, зябла, «хлестала» пустой черный кофе въ крошечномъ кафэ, съ блестящими глазами выслушивала его признанія и ла-

сковыя рѣчи о томъ, что она одна во всемъ Берлинѣ стоитъ того, чтобы онъ съ ней проводилъ время, что всѣ остальныя женщины мразь и тля, а она одна чистая, возвышенная и непродажная.

Сонечкѣ эти рѣчи прибавляли душевныхъ силъ въ борьбѣ съ жизнью на чужой сторонѣ, а студентъ, доведя ее до трамвая, отправлялся къ товарищамъ, жившимъ въ предмѣстьи Берлина. Въ комнатѣ стоялъ туманъ отъ табачнаго дыма, тренькала гитара, кто то фальцетомъ подпѣвалъ цыганскую пѣсню. Студентъ разваливался на стулѣ, пилъ пиво и объявлялъ, что чертовски усталъ, потому что въ него втюрилась одна дѣвченка и таскала его на прогулку.

Однажды вечеромъ, Сонечка пришла къ Нюшѣ, не застала ее дома и рѣшила обождать, такъ какъ сильно прозябла. Она зажгла свѣтъ и, съ ногами усѣвшись на диванъ, принялась читать какой то валявшійся, съ затрепанными листками, романъ. Она читала жадно, глотая, коверкая въ умѣ фразы, теряющія благодаря этому логическій смыслъ, не замѣчая того, что главы въ книгѣ отсутствовали, и на первой страницѣ стояла «Глава V». Произошло это потому, что Сонечка не понимала римскихъ цифръ. Она такъ увлеклась чтеніемъ, что не замѣтила, какъ бѣжало время. Кто то громко

постучалъ въ дверь. Она вздрогнула и спустила съ дивана ноги.

— Войдите...

Дверь пріоткрылась. На порогѣ стоялъ моложавый господинъ, въ пенсъ-нэ, бритый, худощавый, прилично одѣтый въ сѣроватый костюмъ.

— Анны Тимофеевны нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Очень жаль. А вы дожидаетесь ее? Книжку читаете?

— Да, скучно такъ сидѣть.

— Вы по дѣлу къ ней?

— Нѣтъ, я ея подруга.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте представиться: Егоръ Михайловичъ Бумагинъ. Живемъ съ вашей подругой въ одномъ корридорѣ и дружимъ.

— Меня зовутъ Софья Михайловна.

— А можно звать прямо Сонечкой? Ей-Богу, я человѣкъ простой. Вы не обижайтесь на меня. Къ тому же, я васъ немного и знаю. Мнѣ много разсказывала Нюрочка про свою подругу Сонечку, которая чудесно гадаетъ.

— Все это глупости! Никакого гаданья нѣтъ: просто шутки однѣ, — покраснѣла Сонечка и сдѣлалась очень мила.

— Такъ вотъ про эти самыя шутки я и слышалъ. — Бумагинъ сѣлъ рядомъ съ Сонечкой, пытливымъ, острымъ взглядомъ окинулъ ея маленькую фигурку,

поправилъ двумя пальцами пенсъ-нэ, взялъ отложенную на диванѣ книжку и перелисталъ ее.

— Что это за книжка? Какъ заглавіе?

— Не знаю, я не поглядѣла.

— Интересно?

— Ужасно, какъ интересно.

— Да вѣдь тутъ начала нѣтъ. Какъ же вы это читаете?

— Ну, такъ что же?! Такъ и читаю...— Сонечка сконфузилась и, чтобы скрыть выступившую на лицѣ краску, низко опустила голову.

— У васъ парикъ или свои волосы?— дѣлая серьезное лицо, спросилъ Бумагинъ.

— Вотъ еще выдумали! Стану я въ парикѣ ходить.

— Чудесные волоса!..—Бумагинъ протянулъ руку и погладилъ Сонечкины волоса.

— Вы обалдѣли или что?! — Отшатнулась она.

— Отъ чего мнѣ обалдѣть? Развѣ что отъ вашего присутствія. — Бумагинъ разсмѣялся. — Вѣдь я сказалъ вамъ, что я человѣкъ простой, безъ всякихъ тамъ выкрутасъ и обижаться на меня нечего. Хотите дружить со мной? Такъ давайте руку и дѣло въ шляпѣ.

— Какъ дружить?

— Обыкновенно какъ. Экая вы подо-

зрительная! По простому дружитъ. Я вамъ буду говорить «миленькая вы моя Сонечка», а вы мнѣ «ахъ, милый Егорушка» и ничего больше. Просите не просите — сказалъ, ничего больше и ничего, — опять засмѣялся Бумагинъ.

— Да я и не прошу, и не хочу; съ чего вы это взяли?! — хохотала Сонечка.

— Ну, я вижу, что вы веселая, и я не скучный, — значитъ, поладимъ. Знаете что, Сонечка: погадайте-ка мнѣ, будьте добрая.

— Вотъ еще что выдумали! Я не расположена.

— Почему же вы не расположены? Ну, пожалуйста.

— Какое тамъ гаданіе! Я озябла...

— Я васъ согрѣю. Ей Богу, согрѣю. У меня были только что гости, и въ бутылкѣ осталось рюмки двѣ водки. Хотите?

— Гдѣ жь это видано, чтобы пустую водку пить? Я не какая нибудь алкоголичка, — обидѣлась Сонечка.

— Зачѣмъ же пустую! Въ коробкѣ сардинки остались и бутербродъ съ ветчиной. Я сейчасъ принесу.

Бумагинъ, не ожидая реплики, быстро вышелъ. У Сонечки лицо повеселѣло: Бумагинъ, съ его смѣющимся лицомъ и товарищески-развязными манерами ей понравился. Къ тому же, она была голод.

на и возможность немного закусить ей была пріятна.

Вошелъ Бумагинъ, неся на тарелкѣ полубутылку съ остатками водки, коробочку съ тремя сардинками и одинъ бутербродъ. Онъ поставилъ это передъ Сонечкой на столѣ подлѣ дивана.

— А вотъ вамъ еще и плиточка шоколаду. Извольте-съ.

— Давайте, давайте, я не откажусь. А гдѣ же рюмка?

— Ахъ, чортъ, забылъ! Да вы такъ, прямо изъ горлышка.

— Пейте сами изъ горлышка, а я не стану.

— Капризница вы, я вижу. Ну, ладно, принесу вамъ и рюмку.

Сонечка, тѣмъ временемъ, принялась за сардинки.

Бумагинъ принесъ рюмку и карты, налилъ водку и подалъ Сонечкѣ:

— Извольте откушать за мое здоровье и за нашу новую дружбу.

Послѣ второй рюмки у Сонечки заблестѣли глаза и раскраснѣлись щеки. Она стала смѣяться, шутить и, покончивъ съ сардинами, бутербродомъ и шоколадомъ, отодвинула тарелку и охотно разложила карты.

Бумагинъ крякалъ отъ удовольствія, потому что карта была хорошая, и Сонечка предсказывала полную удачу, и

большія деньги. Онъ сталъ еще веселѣе, началъ говорить ей комплименты и подъ конецъ пригласилъ ее ужинать на слѣдующій вечеръ, обѣщавъ заѣхать за ней; потомъ посмотрѣлъ на часы, сказалъ, что его гдѣ то ждутъ, а потому онъ, къ сожалѣнію, долженъ ее покинуть.

Сонечка, съ мечтательной улыбкой, сидѣла на диванѣ передъ пустой тарелкой съ жестяной коробкой отъ сардинъ и пустой полубутылкой отъ водки, когда, наконецъ, шумно вошла Нюра.

— Я такъ и знала, что ты тутъ. Чтобъ его чортъ побралъ этого болвана Пузыряева! Взялъ да и переставилъ всѣ номера программы. Мнѣ надо было третьимъ номеромъ танцовать, а онъ поставилъ седьмымъ. Я ему говорю, что меня будто гдѣ то ждутъ, а онъ: — Ну и выкатывайте, говоритъ, только штрафу сто марокъ заплатить извольте. — Вотъ ужь настоящая свинья, можно сказать. Я ѣсть хочу; давай сейчасъ будемъ ѣсть и пить. А ты что же это: угощалась тутъ?

— Не я угощалась, меня угощали; и кавалеръ ничего себѣ — интересный.

— Кто такой? Да ну, говори же.

— Твой сосѣдъ по корридору — Бумагинъ.

— Вотъ кто! Ну, это, можно сказать, кавалеръ настоящій.

Пока Сонечка разсказывала подругѣ

свое знакомство, та, швыряя вещи направо и налѣво, быстро сбрасывала съ себя обшитое кружевами шелковое бѣлье и атласный корсетъ, надѣла теплый пеньуаръ, распустила густую косу и, сдѣлавшись отъ этого еще красивѣе, стала доставать изъ шкапика разныя вкусныя вещи. Когда Сонечка сказала, что Бумагинъ пригласилъ ее на завтра ужинать, Нюра, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, посмотрѣла на подругу:

— Ты не врешь, Сонька?

— Нисколько не вру.

— Ну, такъ я тебя поздравляю. Бумагинъ очень богатый; денегъ у него уймища, это я знаю, и коли онъ тебя ужинать пригласилъ, такъ значитъ ты ему понравилась. Не будь дурой хоть этотъ разъ.

— Что жъ, съ этимъ я поѣду съ удовольствіемъ. Онъ мнѣ нравится, и такой вѣжливый, веселый, не то что этотъ твой знакомый, который сразу цѣловаться лѣзъ.

— Коли сразу лѣзъ, такъ, по мнѣ, это и лучше, чѣмъ всякія маляріи разводить. Только ты вѣдь дура, Сонька; я тебя вѣдь знаю: опять сорвешь дѣло.

— Никакого тутъ дѣла нѣтъ, а что бы я сорвала, такъ ты тоже меня плохо знаешь... — У Сонечки отъ выпитыхъ двухъ большихъ рюмокъ водки сильно

кружилась голова и, въ присутствіи побѣдительницы мужскихъ сердецъ, хорошенькой Нюши, въ ея уютной обстановкѣ, вдругъ ей показалось, что и она обладаетъ кровожадными инстинктами, заставляющими мужчинъ безпрекословно покоряться ея волѣ.

— Ты воображаешь, что я съ мужчинами очень уступчива и нетребовательна, и очень ошибаешься: это я такъ съ тѣми, кто ничего не имѣетъ; ну, а если я знаю, что туго набитый карманъ, такъ ужь тутъ отъ меня не отвертишься. Сонечкѣ ясно представилось, какъ она безпощадна. Она заложила ногу на ногу и гордо откинула голову.

— Тогда ужь, братъ, шалишь, — продолжала она, бросая побѣдоносный взглядъ на пустую полубутылку и коробку отъ сардинъ. — Тащи все, что имѣешь, подавай безъ отговорокъ...

Нюша звонко расхохоталась:

— Ишь, какъ тебя разобрало!

— Ничего не разобрало. Такая всегда была. Ты думаешь, я даромъ ему гадала? Какъ бы не такъ! Притащилъ угощеніе, тогда и разложила карты.

— А много принесъ?

— Не мало, — увлекаясь собственными фантазіями, отвѣтила Сонечка. — Вотъ видишь: и сардины, и водка, и бу-

терброды, и шоколадъ. Наѣлась по горло.

— Молодецъ, Сонька! Коли не сдрефишь съ Бумагинымъ, такъ заживешь въ свое удовольствіе, попомни меня. Какъ поѣдешь ужинать завтра, такъ спрашивай что ни на есть подороже въ ресторанѣ, чтобы не вообразилъ, что ты стѣсняешься, потому что не привыкла въ хорошихъ ресторанахъ кушать. Перчатокъ у тебя нѣтъ, такъ возьми мои и чулки шолковыя возьми.

Въ эту ночь Сонечка плохо спала, думая о предстоящемъ веселомъ свиданіи.

На слѣдующій день, Бумагинъ въ назначенный часъ заѣхалъ за ней. Ужинали они въ большомъ ресторанѣ, гдѣ играла музыка, гдѣ было много нарядной публики и яркіе электрическіе огни. Вся обстановка ресторана сразу возбудила Сонечку. Бумагину нравилась ея маленькая скромная фигурка, тихій смѣхъ, блестящіе отъ удовольствія глаза, наивные вопросы и шутки. Онъ угощалъ ее дорогими блюдами и виномъ. Сонечка была въ этотъ вечеръ счастлива; счастіе ея не оборвалось, такъ какъ богатый дѣлецъ на слѣдующій день напомнилъ о себѣ звонкомъ по телефону и коробкой конфетъ. Черезъ нѣсколько дней, онъ повелъ ее въ синематографъ, а оттуда въ кафэ и опять подарилъ ей конфетъ. Ню-

ша торжествовала, радуясь за подругу. Сонечка, хоть и не сознавалась въ этомъ подругѣ, но начинала не на шутку увлекаться своимъ кавалеромъ.

Однажды, онъ сидѣлъ съ ней въ кафэ. Сонечка разсказывала ему о своей прошлой жизни, о ненависти къ большевикамъ и бѣгствѣ черезъ границу.

— Не скоро я вернусь въ Россію... Нѣтъ, не скоро, — задумчиво закончила Сонечка свой разсказъ.

— Почему такъ?—спросилъ Бумагинъ.

— Опротивѣло все. Ужъ очень много наглядѣлась я всякой грязи у большевиковъ.

— Ничего. Это дѣло народное, — усмѣхнулся Бумагинъ. — Отчего же не вернуться въ Россію?! И тамъ можно дѣла дѣлать.

— Такъ что же вы не ѣдете? — язвительно спросила Сонечка.

— Кто знаетъ, можетъ и поѣду, — загадочно улыбнулся онъ.

— Такъ вѣдь тамъ большевики!

— Ну и пусть. Мнѣ дѣла дѣлать надо, деньгами ворочать, а на политику я плюю.

— Какая же это политика?! — изумилась Сонечка. — Вѣдь и я политикой не занимаюсь, а съ большевиками жить не хочу.

— Вы человѣкъ не дѣловой, потому это, — пояснилъ Бумагинъ.

— Хоть бы и дѣловой, а все-таки не стала бы противъ совѣсти идти, — серьезно проговорила Сонечка.

Бумагинъ сдвинулъ брови:

— Вы что же: буржуйка, монархистка?

— А вы кто — большевикъ?

— Я — дѣлецъ, мнѣ нужны деньги, а на остальное я плюю, — вотъ кто я, и вамъ совѣтую быть поумнѣе. Вы — человѣкъ рабочій, сами себѣ хлѣбъ зарабатываете, а мыслей набрались буржуазныхъ.

— Коли по совѣсти жить вы называете буржуазными мыслями, такъ пусть и будетъ такъ, а съ вами я не соглашусь.

— А если я вамъ предложу вмѣстѣ въ Россію поѣхать, и нуждаться ни въ чемъ вы не будете, что вы мнѣ отвѣтите? — серьезно спросилъ Бумагинъ.

— Ни за что я не поѣду. Ни за какія деньги. Пока большевики тамъ, я не поѣду.

Бумагинъ покачалъ головой:

— Глупость и предразсудки! Кто хочетъ дѣла хорошо дѣлать и весело жить, — надо это все отбросить.

— Нѣтъ, я не согласна. Надо совѣсть имѣть, а по вашему выходитъ, что для денегъ надо совѣсти лишиться...

Въ этотъ вечеръ Сонечка, разставшись съ Бумагинымъ, была грустна. Черезъ нѣсколько дней, опять встрѣтившись съ нимъ, она была менѣе оживлена чѣмъ всегда, и онъ показался ей ужъ не такимъ интереснымъ. Хотя она обѣщала самой себѣ не затрогивать въ бесѣдѣ съ нимъ никакихъ вопросовъ на политическія или партійныя темы, однако, первая опять заговорила о большевикахъ. На этотъ разъ они поспорили сильнѣе. Сонечка была даже рѣзка. Бумагинъ высмѣивалъ ее и язвилъ:

— Ишь какая буржуйка взялась! Монархистка!..

— Пусть я монархистка, это мое личное дѣло, а вы большевикъ.

— Что жъ, я не гнушаюсь, — скосилъ Бумагинъ губы, затягиваясь дымомъ папироски. Сонечкѣ его лицо показалось въ эту минуту совсѣмъ непріятнымъ. Она отказалась отъ пирожныхъ и вина, выпивъ безо всего чашку кофе.

— Что жъ, не хотите со мной въ Россію ѣхать? — спросилъ онъ ее, выходя изъ кофейной.

— Нѣтъ, не хочу.

— Ну, что жъ: оставайтесь здѣсь гнить.

— А вамъ то что?? Ну, и сгнію.

— Жаль васъ. Вы не то, что ваша подруга Нюрочка.

— А вотъ вы бы ей предложили: Она

навѣрное поѣдетъ съ вами къ большевикамъ.

— Конечно, поѣдетъ, да только она мнѣ не нравится. Такъ, такъ. Очень глупо, что вы отъ счастія отказываетесь, — идя рядомъ съ Сонечкой и искоса поглядывая на нее, процѣдилъ Бумагинъ.

— Кому счастіе въ деньгахъ, а кому въ чистой совѣсти и въ любви къ Родинѣ. Ну, прощайте. Мнѣ надо еще въ другое мѣсто зайти. — Не глядя на Бумагина, она протянула ему руку и быстро побѣжала прочь.

Черезъ нѣсколько дней она, сидя у подруги, молча выслушивала упреки:

— Я говорила, что ты дура, такъ и вышло. Бумагинъ все мнѣ разсказалъ. Этакій случай упустила! Самъ говорилъ мнѣ, что денегъ на тебя не пожалѣлъ бы. Ѣсть нечего, а политику какую то разводишь.

— Какая же это политика? Можетъ этотъ Бумагинъ и самъ большевикъ, — тихо вставила Сонечка.

— А тебѣ что за дѣло? Пусть большевикъ. Обобрала бы денегъ сколько надо и ушла бы.

— Разнравился онъ мнѣ. Я такъ не могу... Лучше буду черную работу дѣлать, а безъ любви не хочу.

— Вотъ ужъ дура ты — такъ дура, — хохотала Нюша. — Безъ любви не мо-

гу!... — передразнила она ее. — Ну и хлещи пустой кофе со студентишками, размазывай съ ними про любовь.

— Что жъ, и буду. А Бумагинъ твой подлецъ, Россію онъ не любитъ, и больше я съ нимъ видѣться не желаю. Такъ и скажи ему. — Сонечка взъерошила свои курчавые рыжіе волосы, рѣшительнымъ движеніемъ набросила на плечи старенькое холодное пальто и ушла.

— Господи, бываютъ же такія дуры на свѣтѣ! — хохотала ей вслѣдъ Нюша.

ТРАГИЧЕСКІЙ ТЕЛЕФОНЪ.

Было поздно, когда раздался настойчивый звонокъ телефона. Я подошла къ аппарату.

— Алло!... я слушаю.

— Милая, здравствуйте. Я звоню вамъ, такъ какъ знаю, что только вы поймете меня, — услышала я хорошо знакомый мнѣ, срывающійся отъ волненія, голосъ.

— Что случилось, Евгенія Михайловна? — спокойно задала я вопросъ, давно привыкнувъ къ ея телефонамъ и трагическому тону.

— Ну, этотъ разъ, конецъ... всему конецъ!... Сегодня я повѣшусь... и, ради Бога, ни звука сожалѣній... я повѣшусь, я сказала, что повѣшусь... Вы слышите?

— Да, я слышу.

— Больше я не могу! Понимаете ли: я не могу больше! Эта одинокая жизнь, эта пустота и безденежье! Всѣ чулки подрались, вмѣсто мѣха на плечахъ мотается какая то рвань... мои «десу» ни на что ни стали похожи...корсетъ разлазится... Довольно этого глумленія жизни... я не могу существовать на триста франковъ.

— А тѣ двѣсти, что вамъ недавно прислали?

— Они разлетѣлись какъ паръ: купила шляпку, туфли, пошла раза два-три въ оперу, ну, тамъ духи, пудра, мыло... Ахъ все это надоѣло до отчаянія!... Подсчитывать и дрожать надъ каждымъ грошемъ... Больше я не могу и не хочу... Повторяю вамъ, черезъ часъ меня не будетъ.

— А вы приготовились?

— Что тутъ готовиться? Крючекъ и веревка есть. Я съ восторгомъ вложу голову въ петлю, освобожусь отъ этой позорящей меня пошлой рамки. — Послышались всхлипыванія. — Сегодня я должна была стирать сама блузки... теперь на рукахъ какія - то красныя жилки... прощайте, дорогая... вы всегда подбодряли меня... спасибо вамъ за это. Прощайте, пусть ваша жизнь будетъ свѣтлымъ праздникомъ, а съ меня довольно... вы слышите?

— Да, конечно, я слышу. — Я вздохнула какъ можно тяжелѣе и поближе къ трубкѣ. — Что-же дѣлать! Разъ вы ужъ такъ твердо рѣшили, я не хочу мѣшать и отговаривать, если жизнь вамъ опротивѣла.

— Да, да! веревка, могила, крестъ, покой и конецъ, всему конецъ...—Всхлипыванія перешли въ рыданія.

— Послушайте, Евгенія Михайловна, а вы знаете, что веревку надо какъ то тамъ мыломъ намазать.

— Зачѣмъ?

— Право, не знаю зачѣмъ. Вѣроятно, чтобы лучше задушило. Совѣтую вамъ это сдѣлать. А кромѣ того, непремѣнно сдѣлайте гимнастику по Миллеру. Всѣ позы сдѣлайте непремѣнно.

— Это зачѣмъ?

— У Андреева это описывается въ «Семи повѣшенныхъ». Вѣроятно, для бодрости и для хорошей циркуляціи крови, а то можетъ повѣшеніе не удастся: отъ плохого кровообращенія руки могутъ дрожать.

— Вы думаете?...

— И еще мой личный совѣтъ: выпить горячаго чаю съ хорошей дозой коньяку. У васъ есть?

— Есть.

— Ну, вотъ и отлично. Христосъ съ вами! Я увѣрена, что все обойдется благополучно, и вы повѣситесь удачно.

— Вы смѣетесь надо мною?...

— Увѣряю васъ, нисколько!...

— Такъ вы согласны, дорогая, что другого выхода у меня нѣтъ.

— Пожалуй, вы правы. Прощайте... буду часто вспоминать васъ... Ахъ да, ещѐ одно слово: если бы, почему либо, вы отложили ваше намѣреніе на однѣ сутки, то приходите ко мнѣ завтра къ завтраку. Я вамъ разскажу кое-что интересное.

— Что именно?

— Не могу же я въ такую для васъ трагическую минуту разсказывать вамъ всякій вздоръ, который болтаетъ Никита Рогожинъ.

— Вы его видѣли?

— Да, вчера видѣла, и онъ говорилъ мнѣ, что видѣлъ васъ возлѣ Орéга, что на васъ была какая-то особенная шляпка, и что вы были въ ней такъ очаровательны, что побѣдили его сердце.

— Навѣрное та, что я недавно купила: — съ крылышками. Ахъ, до шляпки ли мнѣ теперь!... Ничего мнѣ больше не нужно... — опять послышались всхлипыванія.

— И такъ, милая Евгенія Михайловна, рѣшено, что если вы ваше намѣреніе отложите, то въ часъ дня я жду васъ къ завтраку. Совѣтую вамъ надѣть шляпку съ крылышками, такъ какъ будетъ Никита Рогожинъ.

Я повѣсила трубку и спокойно пошла спать.

На слѣдующій день, ровно въ часъ дня, Евгенія Михайловна стремительно вошла ко мнѣ, съ разгорѣвшимися глазами, въ шляпкѣ съ сѣрыми крылышками, интересная и оживленная.

— Ахъ, милочка, какую я только что модель видѣла!... Что то восхитительное!... Все изъ чернаго муселина, отдѣланнаго удивительными мотивами... А

гдѣ же Никита Рогожинъ? — оборвала она себя.

— Сейчасъ прiѣдетъ.

Глаза Евгенiи Михайловны заблестѣли. О намѣренiяхъ предыдущей ночи не было и рѣчи.

ЖЕНСКІЕ КАПРИЗЫ,

На маленькой станціи залитой лучами итальянскаго солнца и ароматами розъ, вдали, надъ убѣгающей полосой рельсъ, на фонѣ голубовато-сиреневыхъ горъ. показался дымокъ, Поѣздъ быстро приближался. разстилая надъ собой длинный хвостъ перламутрово легкихъ клубовъ дыма.

Донесся сперва слабый, потомъ все болѣе отчетливый и сильный гулъ тяжело бряцающей стали. Наконецъ, ворвался грузный закоптѣлый паровозъ и, вслѣдъ за нимъ, извилистымъ полукругомъ выплыли вагоны, громыхающіе колесами. Обдало струей душнаго и дымнаго воздуха. Раздался свистокъ, и поѣздъ остановился.

На площадкѣ стояла улыбающаяся женщина. Фіолетовый шарфъ былъ отброшенъ съ лица, съ живыми, смѣющимися глазами.

Она спрыгнула на платформу и, сверкая бѣлизной зубовъ, яркимъ румянцемъ и молодостью, помогла своему мужу, блещущему какъ и она молодостью и здоровьемъ, — собрать ручной багажъ.

Городокъ, расположенный на берегу

зеленаго, будто изъ волшебной сказки, озера, весь сіялъ въ струяхъ благоухающаго ароматами воздуха, какъ сіяли и переливались струи водъ, въ которыхъ, какъ въ изумрудномъ зеркалѣ, отражалась изумрудно зеленая гора.

Пока ѣхали въ маленькой аккуратной отельной каретѣ, съ надписью золотыми буквами «Отель Паласъ», онъ не выпускалъ изъ рукъ ея руки.

Пріѣхали въ отель, большой нарядный, съ мраморными ступенями и алымъ ковромъ въ просторномъ прохладномъ «холѣ». Подвижной итальянецъ, управляющій отелемъ, радушно встрѣтилъ ихъ и повелъ по широкой, уставленной пальмами, лѣстницѣ.

— Предлагаю вамъ, синьори, эту роскошную комнату съ великолѣпнымъ видомъ на озеро и большимъ балкономъ... Что скажетъ синьора?

Вертлявый итальянецъ блестѣлъ и игралъ глазами въ ея сторону, одобряя вкусъ «знатнаго» иностранца, какъ онъ сразу опредѣлилъ его по внѣшности, манерамъ и по дорожнымъ вещамъ.

— Эта комната мнѣ очень нравится, - проговорила она, стоя передъ зеркальнымъ шкафомъ и поправляя выбившіеся изъ подъ шляпки волосы.

— Отлично, значитъ, мы ее и беремъ, — весело отозвался онъ.

— То - есть это я ее беру, — поворачивая голову отъ зеркала, понизивъ голосъ, проговорила она.

— Я тебя не понимаю....

— Это будетъ моя комната, а ты возьми рядомъ.

— Элля, ради Бога!... - подошелъ онъ къ ней, — что это значитъ? Ты хочешь, чтобы мы были врозь?... Я такъ не могу, я не хочу, Элля!

Хотя онъ говорилъ по русски, но, по выраженію лица, не мудрено было понять о чемъ шла рѣчь, а тѣмъ болѣе бывалому и опытному метръд'отелю. Онъ скромно отошелъ къ балкону и, перегнувшись черезъ перила, не слишкомъ громко, чтобы не мѣшать «синьорамъ», отдавалъ приказанія подвязывающему розы садовнику.

— Костя, прошу тебя!... Это невозможно. Ты же знаешь, что меня стѣсняетъ твое присутствіе. Пойми-же, мнѣ надо одѣваться, умываться, раздѣваться причесываться.

— Ну, и что же?... Я буду зажмуривать глаза, буду сидѣть истуканомъ на балконѣ, буду держать голову подъ подушками. Все, что хочешь, только не гони меня отъ себя.

— Господи, что за слова: не гони!... Но вѣдь я буду какъ въ плѣну!...

— Да, да, именно въ плѣну, — обрадо-

вался онъ, — въ самомъ нѣжномъ плѣну, умоляю тебя, Элля!

Она нетерпѣливо пожала плечами:

— Дѣлай какъ хочешь!

— И такъ, мы рѣшили взять эту комнату, — поспѣшилъ онъ заявить метръ д'отелю.

Солнце заливало комнату и, преломляясь въ краяхъ зеркала, играло на потолкѣ дрожащими радужными полосами. Черезъ распахнутый балконъ видна была часть улицы, огибающей зеленое озеро, съ благовонными пышно-раскидистыми кустами розовато-алыхъ олеандръ вокругъ ослѣпительно-бѣлыхъ виллъ, съ ползучими по фасаду розами. Все ликовало, торжествующе звенѣло аккордами жизни. Сердце рвалось изъ груди отъ радостнаго сознанія общенія съ этой, зовущей къ радостямъ, природой.

День прошелъ незамѣтно. Вечерняя дымка неожиданно и быстро окутала землю, горы, озеро и бѣлыя виллы съ благоухающими садами. Вернулись съ далекой прогулки, когда совсѣмъ стемнѣло и въ пустомъ «холѣ»,обставленномъ разноцвѣтной плетеной мебелью, ярко горѣли стѣнныя электрическія лампы. Благодаря мертвому сезону, отель былъ почти пустъ.

Чувствуя себя хозяевами громаднаго зданія, они расположились въ

уютномъ уголку и велѣли подать себѣ чай. Пока его приготовляли, она подошла къ піанино. На звуки ея вальса выплывала откуда - то сухощавая фигура англичанки, со взбитыми, скверно подкрашенными, рыжими волосами, длинной плоской таліей, выдавшимися передними зубами и большими ступнями. Она сѣла въ отдаленномъ углу за колонной и, раскрывъ книгу, слушала вальсъ; потомъ углубилась въ чтеніе, забывъ о присутствующихъ.

Пробило десять. Лакей потушилъ люстру подлѣ лифта. Сухопарая англичанка сложила книгу и скрылась въ боковую дверь.

— Я думаю, и намъ пора, Элличка. Тутъ нравы патріархалные, — проговорилъ онъ, вставая.

— Да, пора. Ты подождешь здѣсь?

— Ну вотъ, зачѣмъ это? подымемся вмѣстѣ. Пока ты будешь раздѣваться, я покурю на балконѣ.

— Ахъ, Костя, я терпѣть не могу, когда кто-нибудь у меня надъ душой стоитъ. Что тебѣ стоитъ подождать внизу?!

— Изволь, изволь, я подожду...

Она поднялась въ свою комнату. Изъ распахнутой на балконъ двери вливалась ароматная ночь съ мигающими на темносинемъ небѣ — звѣздами. Ничто не нарушало покоя и сна, утомленной дневнымъ

зноемъ, природы. Надъ міромъ, въ безконечномъ аккордѣ рѣяла божественная гармонія. Внизу подъ балкономъ послышались мѣрные шаги, захрустѣлъ гравій на дорожкѣ сада, и она различила его силуэтъ, съ тлѣющимъ и вспыхивающимъ огонькомъ сигары. Она зажгла электричество. Комната, вынырнувшая изъ мрака, выглядѣла уютно и нарядно. Всюду разставленныя въ высокихъ фужерахъ розы и гвоздики яркими тонами подымали блѣдно розовый колоритъ комнаты. Накинувъ пеньуаръ, она прошла въ ванну. Глянцевитыя плитки бѣлаго изразца казались блѣдно - зеленоватыми подъ зыбко-дрожащей водой, съ шумомъ бѣгущей изъ никелеваго крана.

Она нѣжилась и тихо плескалась въ водѣ, когда послышались въ корридорѣ, заглушенные ковромъ, шаги и, послѣ нѣсколькихъ минутъ, раздался стукъ въ дверь ванны:

— Элля, ты здѣсь?

— Да.

— Что ты такъ долго? Я думалъ, ты уже легла. Пожалуйста, выходи поскорѣе, Элличка.

— Хорошо, — отвѣчала она и въ то-же время подумала, что если бы онъ не настаивалъ имѣть сбщую комнату, то ее не стѣсняла бы мысль, что онъ ее ждетъ въ

корридорѣ, и она не спѣшила бы выйти изъ ванны.

Вставали они поздно. Послѣ сытнаго завтрака, такъ какъ онъ придавалъ ѣдѣ большое значеніе, они отправлялись куда-нибудь на лодкѣ, на пароходикѣ, или въ экипажѣ; тамъ пили чай, кофе, ѣли фрукты, мороженное и, совершенно ослабѣвшіе отъ жары, отдыхали въ тѣни отъ знойныхъ лучей солнца. Прячась отъ людскихъ глазъ, онъ искалъ возможности, зажавъ въ рукѣ ея руку, повторять ей о своей страстной, все наростающей любви.

Къ вечеру они возвращались домой, обѣдали въ почти пустой, освѣщенной всѣми стѣнными лампочками, столовой, и доканчивали вечеръ на большой террасѣ, тонувшей въ ночной теплой мглѣ. Долго сидѣли въ глубокихъ плетеныхъ креслахъ и, глядя на вызвѣздившійся бездонный куполъ небесъ, переговаривались о впечатлѣніяхъ минувшаго, яркаго и знойнаго дня.

Она, въ своихъ отношеніяхъ къ нему, оставалась бережливой и осторожной къ хрупкой рамкѣ взаимныхъ отношеній.

Онъ, счастливый и довольный, становился менѣе бережливъ.

— Элличка, я адски усталъ и не могу сегодня ждать внизу, пока ты раздѣнешься. Ты умывайся, а я посижу на балконѣ,

— сказалъ онъ ей однажды, и съ тѣхъ поръ подымался одновременно съ ней, побѣждая ея протесты ласковыми и просительными рѣчами. Она вытребовала себѣ ширму, которой заставила умывальникъ;но, однажды, эта ширма, въ критическій для нея моментъ, полетѣла на полъ. Онъ сорвался съ балкона подымать ширму; она, не зная куда спрятаться, заметалась, толкнула кувшинъ съ водой, вода разлилась... произошло замѣшательство. Онъ громко смѣялся, она негодовала:

— Я говорила, что не хочу имѣть общей спальни, вотъ и вышло... — повторяла она, чуть ни плача.

— Ахъ, Элличка. Да ровно ничего не вышло! Вѣдь я же обожаю тебя и былъ бы счастливъ, если бъ ты, наконецъ, совершенно перестала стѣсняться меня. Ты — это я.

Ей приходилось все чаще и чаще повторять ему:

— Да отвернись-же, Костя; отвернись, прошу тебя!..

Обыкновенно, онъ просыпался утромъ первый, умывался, одѣвался, будилъ ее и спускался внизъ, гдѣ ожидалъ на террасѣ, чтобы пить кофе. Случилось такъ, что она проснулась, какъ только онъ всталъ, но, продолжая лежать неподвижно, сквозь рѣсницы полузакрытыхъ вѣкъ,

стала наблюдать за нимъ, такъ какъ онъ пренебрегъ ея просьбой заставлять кровать ширмой.

Съ всклокоченными густыми волосами, онъ стоялъ среди комнаты и, въ странно неуклюжей позѣ, дѣлавшей его смѣшнымъ, ритмично выбрасывалъ руки вверхъ, въ стороны и внизъ. Потомъ, онъ сталъ такъ же выбрасывать ноги, сгибая и разгибая торсъ. Мускулы упруго напрягались и дрожали подъ лоснящейся тонкой кожей. Затѣмъ, онъ подошелъ къ умывальнику и, разставивъ ноги, сталъ умываться, почему-то фыркая и расплескивая кругомъ себя воду, которая обильно стекала по локтямъ, образовывая на полу лужицу. Обтирая все тѣло большой мокрой губкой, онъ кряхтѣлъ и сопѣлъ.

Все это казалось ей некрасивымъ и смѣшнымъ. Затѣмъ, раздѣтый и непричесанный, онъ сѣлъ подлѣ полуоткрытой рѣшетчатой ставни балкона и, вооружившись ножницами, заложивъ ногу на ногу сталъ приводить въ порядокъ ногти, совершенно не замѣчая, что она пристально и внимательно слѣдить за нимъ. Надѣвъ панталоны и натягивая подтяжки, онъ какъ то присѣдалъ, выпрастывая ноги. Она закрыла глаза, такъ мало интересенъ онъ казался ей въ эти минуты. Когда она спустилась на террасу, гдѣ

онъ ожидалъ ее, причесанный парикмахеромъ, съ тонкимъ запахомъ вежеталя на блестящихъ волосахъ, онъ былъ совсѣмъ не похожъ на того растрепаннаго, съ неуклюжими позами мужчину, который одѣвался въ ея спальнѣ.

— Ты, Костя, напрасно не заставляешься ширмой, когда одѣваешься и дѣлаешь гимнастику, — сказала она серіозно, размѣшивая ложечкой кофе и не глядя на него.

— А что: развѣ ты не спала?

— И не думала...

— Плутовка! Я и не подозрѣвалъ... — засмѣялся онъ.

— Что же тутъ смѣшного? — пожала она плечами.

— Ахъ, Элличка, ну пора же тебѣ проще относиться къ этимъ вещамъ.

Она удивленно подняла на него глаза:

— Зачѣмъ? Я этого совсѣмъ не хочу.

— Жизнь — это проза; такъ и надо на нее смотрѣть.

— Совсѣмъ это не такъ, — покачала она головой.

— Непремѣнно вамъ, женщинамъ, надо облекать жизнь въ какія-то фантастическая формы, — улыбнулся онъ.

— А вы, мужчины, слишкомъ реальны.

— Это вѣрно, но происходитъ это оттого, что жизнь есть явленіе реальное, и мы смотримъ на нее просто и ищемъ

удобствъ, а не стѣсняющихъ насъ фантазій. Какъ видишь, все это нисколько не умаляетъ нашей любви къ женщинѣ, которая намъ близка.

Онъ говорилъ правду, такъ какъ ни на минуту не отходилъ отъ нея, не отгадывая, что у нея все настойчивѣе и настойчивѣе являлась потребность побыть наединѣ съ собой, со своими мыслями.

— Ты собираешься уходить? — спрашивалъ онъ ее, видя, что она прикалываетъ передъ зеркаломъ шляпку.

— Я на минутку, пробѣгу въ лавки: мнѣ надо подобрать кружева.

Онъ бралъ свою панаму и тросточку посвистывая, закуривалъ папиросу и ждалъ ее подлѣ двери.

— Ты идешь? — скрывая легкую досаду спрашивала она.

— Ну, конечно!

— Костя, да вѣдь я сейчасъ вернусь.

— Ну такъ что жь: зачѣмъ тебѣ выходить одной, — отвѣчалъ онъ, и они выходили вмѣстѣ.

Однажды онъ заснулъ, полусидя на кушеткѣ. Спалъ онъ крѣпко, съ открытымъ ртомъ, изъ котораго вылеталъ равномѣрный отрывистый храпъ. Она отложила книгу, тихонько встала, надѣла шляпку, осторожно открыла дверь и вышла. Было очень жарко. Зной, казалось, тяжело нависъ надъ землей, однако она вздохнула

полной грудью, выйдя изъ воротъ сада. Раскрывъ зонтикъ и легко шагая, она пошла вдоль ослѣпительно яркой улицы къ маленькой площади, съ неизмѣннымъ памятникомъ Виктору-Эмануэлю, гдѣ подъ каменными портиками, защищенными отъ солнца пестрыми тканями, былъ рядъ магазиновъ. Озеро было неподвижно и, казалось, расплавленнымъ густо-зеленымъ металломъ. Она заходила изъ лавки въ лавку, разглядывая съ интересомъ уже видѣнныя ею вещицы, купила нѣсколько хорошенькихъ открытокъ, зашла въ кафэ, велѣла подать себѣ мороженное, сѣла въ тѣни прохладнаго портика и, наслаждаясь одиночествомъ, долго глядѣла на озеро и на рѣдкихъ, въ этотъ знойный часъ дня, прохожихъ.

Вернувшись въ отель, очень довольная своей прогулкой, она застала его въ отвратительномъ настроенiи: онъ только что проснулся, узналъ что она вышла, былъ обиженъ и, продолжая лежать на кушеткѣ съ надутымъ и сердитымъ лицомъ, курилъ одну папиросу за другой.

— Это безсовѣстно, я золъ на тебя!.. — раздраженно проговорилъ онъ, едва она появилась на порогѣ комнаты.

— За что? За то, что я вышла на полъ часа въ магазины? Не смѣши меня, Костя... — Она разсмѣялась звонко и весело, сбросила шляпку и, стоя у зеркала,

нарядная, оживленная и красивая, продолжала улыбаться, потому что у нея было отличное, бодрое настроеніе.

— Могла-бы меня разбудить, чтобы итти вмѣстѣ!

— Совсѣмъ этого не надо было. Я съ удовольствіемъ прошлась одна.

— Пскорно благодарю!..—Онъ сердито мотнулъ головою въ ея сторону и поднялся съ кушетки. Лицо у него было заспанное и надутое; волоса приглаженные спереди, сзади были растрепаны, и одинъ клокъ смѣшно торчалъ на макушкѣ. Галстухъ выползъ надъ воротникомъ, одинъ усъ опустился.

— Какъ онъ неинтересенъ!—подумала она, скользнувъ по немъ взглядомъ.

Онъ же, не отгадывая ея мысли, подошелъ къ ней и, во весь ротъ зѣвая, продолжалъ упрекать и изливать обиду.

— Перестань, Костя, это невыносимо, — пожала она плечами и съ досадой вышла на балконъ.

Прошло два мѣсяца. Всѣ окрестности были объѣзжены, и прогулки повторялись безъ прелести новизны. Отель по прежнему былъ почти пустъ. Интересныя книги были всѣ прочитаны.

Онъ повторялъ, какъ и въ первые дни, что ему никого и ничего кромѣ нея не надо, при малѣйшей попыткѣ съ ея стороны уединиться съ книгой или въ про-

гулкѣ, говорилъ ей непріятныя вещи и такъ дулся, что она съ досадой уступала.

Спустившись, однажды, къ табль д'оту, они увидѣли новаго пріѣзжаго, высокаго блондина, съ прекрасными голубыми глазами, бритымъ лицомъ и отличными манерами. Они узнали, что это частый посѣтитель отеля, англичанинъ мистеръ Уликъ Дэнъ.

— Какое у него интересное лицо, — замѣтила она.

— Ничего особеннаго! — презрительно бросилъ онъ, пожимая плечами.

Она была очень довольна, что вскорѣ они случайно познакомились.

Онъ, не знавшій англійскаго языка, приходилъ въ дурное настроеніе, когда съ французскаго она переходила въ разговорѣ съ мистеромъ Дэнъ на англійскій.

— Если ты будешь съ нимъ говорить по-англійски, то я буду уходить, — сердито замѣтилъ онъ ей однажды. Вскорѣ, безъ всякой предвзятой мысли, она заговорила по-англійски, когда они стояли втроемъ подлѣ рояля и перебирали ноты. Онъ, раздраженно и рѣшительно вышелъ въ билліардную. Наконецъ, ему надоѣло въ одиночествѣ катать шары, и онъ вернулся.

Мистэръ Дэнъ показывалъ ей свой альбомъ съ художественными набросками. Когда онъ подошелъ къ нимъ, она под-

няла на него глаза, увидѣла недовольное лицо, повела бровью и снова принялась за альбомъ.

Онъ закурилъ папиросу и демонстративно сѣлъ поодаль. Вечеромъ, онъ ей устроилъ серьезную сцену.

Хотя онъ ровно ничего не дѣлалъ, ему скучно не было. Она-же скучала и ища какого нибудь занятія, съ удовольствіемъ играла въ четыре руки съ мистеромъ Дхнъ и очень обрадовалась, когда онъ предложилъ ей вмѣстѣ рисовать.

Послѣ перваго-же сеанса, на которомъ онъ присутствовать не пожелалъ, она, поднявшись въ свою комнату, застала его сидѣвшимъ съ растегнутымъ воротомъ рубашки, закатанными рукавами, изнывающимъ отъ жары и нервно курившимъ одну папиросу за другой. По лицу его она поняла, что онъ сильно не въ духѣ; у нея же было прекрасное благодушное настроеніе.

— Что съ тобою, Костя? — ласково-примирительнымъ голосомъ спросила она.

— Ровно ничего. Голова болитъ отъ жары, — коротко отвѣтилъ онъ и раздражительно поднялся съ кресла. Отъ рѣзкаго движенія у него сзади на поясѣ оторвалась пуговица и сорвалась петля съ подтяжки.

— Ахъ, чортъ!.. — фыркнулъ онъ чувствуя потребность выбраниться.

Онъ досталъ изъ ея шкатулочки иголку съ ниткой и, неумѣло и не терпѣливо тыкая ею, пробовалъ, вывернувъ руки назадъ, пришить пуговицу, отлично зная, что это ему не удастся.

— Господи, неужели ты не можешь даже пуговицы мнѣ пришить?! — неожиданно сорвался онъ, топнувъ ногою.

— Ты съ ума сошелъ? — обернулась она къ нему.

— Это чортъ знаетъ что! Ты два часа забавляешь разговорами эту дрессированную выдру — Дэна, а мнѣ не можешь сдѣлать простой услуги — пришить пуговицу.

— Не кричи, пожалуйста.

— Буду кричать!.. потому что всѣ вы, женщины, на одинъ ладъ: вамъ нужна новизна, васъ взвинчиваетъ неизвѣданное... Ты видишь, что я не могу пришить пуговицы и на зло мнѣ не хочешь помочь.

— И не помогу, — раздраженно отвѣтила она. — Всѣ эти твои сцены, дутье, подозрѣнія и упреки становятся скучны и противны.

— А-га! значитъ, изъ-за того, что я попросилъ тебя пришить мнѣ пуговицу, ты меня стала меньше любить.

— Да, да, да, изъ-за пуговицы! —

воскликнула она. — Пусть будетъ изъ-за пуговицы! Только пожалуйста, не будемъ ссориться: это вульгарно.

— А не пришить мужу пуговицы, это не вульгарно?! Очень хорошее воспитаніе!.. Прекрасныя семейныя перспективы!

— Господи, что за невыносимый характеръ!.. Мнѣ скучно, скучно съ тобой... — вдругъ разрыдалась она и выбѣжала изъ комнаты.

Онъ такъ ткнулъ иголкой, что до крови расцарапалъ себѣ палецъ и, съ проклятіемъ, швырнулъ пуговицу черезъ балконъ.

Съ тѣхъ поръ, убѣжденный въ прямолинейности своей мужской логики, онъ утверждалъ, что женщины настолько капризны, что, изъ-за просьбы пришить пуговицу, ихъ чувства могутъ ослабѣть.

СОРВАЛОСЬ.

Лѣсничій Василій Васильевичъ Шустровъ стоялъ въ конторѣ лѣсопильнаго завода и, съ сосредоточенной радостью, внимательно разсматривалъ только что сдѣланную для него рогатину. Рогатина была хорошо отточена и онъ, проводя пальцами по ея острымъ краямъ, одобрительно мычалъ. Яркое сибирское зимнее солнце, ударяя черезъ большое окно, освѣщало всю внутренность конторы, съ письменнымъ столомъ и разложенными на немъ бумагами. Оно переливалось и играло въ граненомъ стаканѣ съ недопитымъ чаемъ на углу письменнаго стола и въ большой хрустальной чернильницѣ.

— Рогатина хороша; ты какъ думаешь, Ахмедъ? — обратился Шустровъ къ стоявшему у двери пожилому татарину.

— Очень хороша, — согласился Ахмедъ.

— Значитъ, завтра ѣдемъ въ лѣсъ?

— Надо ѣхать завтра. Медвѣдь ждетъ въ берлогѣ, — улыбнулся Ахмедъ.

— Ну, ладно. Завтра часамъ къ десяти мы подъѣдемъ за тобой въ Юрты. Ты жди.

— Буду ждать. — Татаринъ поклонил-

ся, нетерпливо открылъ дверь и вышелъ.

Шустровъ бережно положилъ рогатину на кожаный диванъ и, заложивъ руки за спину, радостно возбужденный, подошелъ къ окну. Передъ нимъ на большомъ дворѣ и на крышахъ заводскихъ строенiй лежала пухлая пелена, за ночь выпавшаго переливающагося алмазными искрами, снѣга. Глядя на дворъ и не замѣчая его, Шустровъ рисовалъ себѣ картины предстоящаго дня, и ощущенiе радости все сильнѣе и сильнѣе наростало въ его груди. Шустровъ чувствовалъ себя счастливымъ и сильнымъ. Вся его крѣпкая, небольшая коренастая и мускулистая фигура свидѣтельствовала о силѣ; лицо, съ небольшими смѣющимися глазами, выражало энергiю и радость жизни.

Шустровъ былъ страстный охотникъ. Но идти на медвѣдя съ ружьемъ ему казалось блѣдной забавой. Когда татаринъ Ахмедъ объявилъ ему, что нашелъ медвѣжью берлогу, онъ велѣлъ сдѣлать на заводѣ рогатину.

Но не одна предстоящая охота возбуждала и взвинчивала его: онъ волновался оттого, что черноокая хорошенькая Ниночка, сельская учительница, съ тихими манерами, но настойчивая и упрямая, несмотря на всѣ его усилiя, не поддававшаяся его ухаживанiямъ, должна была

ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ былъ почти увѣренъ, что Ниночка не сможетъ устоять послѣ того, какъ увидитъ съ какой ловкостью и силой онъ всадитъ рогатину въ поднявшагося звѣря.

Сверхъ обыкновенія, Шустровъ эту ночь спалъ не такъ какъ всегда. Ему снились какіе то непонятные путанные обрывки, въ которыхъ онъ видѣлъ себя съ рогатиной, Ниночку въ видѣ медвѣдя, видѣлъ снѣжную мятель, потомъ какіе то длинные корридоры, въ которыхъ онъ искалъ то Ниночку, то медвѣдя. Отъ этихъ сновъ онъ часто просыпался, но вспомнивъ, что на утро его ждетъ охота, онъ опять засыпалъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ.

Было восемь часовъ утра. Легкія и рѣдкія снѣжинки ровно и неторопливо падали на широкій прямой трактъ, по которому бодрой рысцой бѣжала пара сытыхъ чалыхъ лошадокъ, запряженныхъ въ сани. Шустровъ, съ блестящими отъ возбужденія глазами, запахнувъ поверхъ охотничьяго костюма широкую оленью доху, окидывалъ направо и налѣво знакомую ему картину раскинувшихся полей, окаймленныхъ сине-сиреневой далью лѣса. Подъ ногами у него лежало въ чехлѣ любимое англійское ружье, а рядомъ на сидѣньи — тяжелая большая рогатина.

Позади, въ саняхъ, запряженныхъ сы-

той рослой вороной кобылой, ѣхалъ лѣсникъ, татаринъ Ахмедъ и двѣ лайки.

Въѣхали въ деревню. По прямой широкой улицѣ, по обѣимъ сторонамъ длинной прямой линіей вытянулись аккуратные избы, огороженныя частоколомъ. Небольшія квадратныя оконца, отражая яркій солнечный блескъ, казались изъ золотисто-алой фольги, горѣвшей игрушечнымъ сіяніемъ среди безконечно-раскинувшейся, все покрывшей, пелены снѣга.

Подъѣхали къ небольшому, въ концѣ улицы, единственному двухэтажному домику. Шустровъ, сбросивъ доху, выскочилъ изъ саней. Едва онъ вошелъ въ небольшія сѣнцы, намѣреваясь подняться по деревянной лѣстницѣ, какъ на верхней площадкѣ раскрылась дверь.

— Я готова. Вы немного запоздали. Я изъ окна видѣла, какъ вы подъѣзжали.

Спустилась небольшого роста очень миловидная дѣвушка съ большими черными глазами, сросшимися у переносицы тонкими бровями, сочнымъ ртомъ и алыми щеками, заливавшимися, при малѣйшемъ волненіи, густой краской. На ней была бѣлая, длинная заячья шубка и такая же, съ наушниками, бѣлая круглая шапочка. Отъ нея вѣяло веселой молодостью и задоромъ.

— Милая, здравствуйте. — Шустровъ поцѣловалъ обѣ ея пухлыя горячія ру-

ки, окинувъ ее влюбленнымъ взглядомъ.

— Что, волнуетесь? Страшно идти на медвѣдя съ рогатиной? — поддразнивая, спросила Ниночка.

— Ужасно волнуюсь, но не изъ за медвѣдя. Слушайте, Ниночка, вы должны дать мнѣ слово, что послѣ охоты я остаюсь у васъ до самаго вечера.

— Это я еще не знаю...

— Ну, такъ я знаю. Довольно вамъ меня мучить. — Онъ крѣпко сжалъ ея руку. Ниночка густо покраснѣла и отвернулась.

— Ну, довольно: идемте.

Когда усѣлись въ сани, Шустровъ, запахнувъ ей ноги полой дохи, крѣпко охвативъ ея талію, хотѣлъ шепнуть ей на ухо «люблю», но онъ воздержался, предугадывая, что это слово, сказанное послѣ нервнаго возбужденія отъ опасности, въ которой она увидитъ его, будетъ имѣть на нее болѣе рѣшительное дѣйствіе.

Лошадки, бѣжавшія веселой и бодрой рысцой, отбрасывали быстро мелькавшими копытами легкіе снѣжные комья, иногда попадавшіе въ лица сѣдоковъ. Снѣгъ пересталъ порошить. Жолто-алый дискъ солнца разливалъ радостные, не грѣющіе потоки свѣта на снѣжную пелену. Дышалось легко, грудь подымалась высоко. У Шустрова и Ниночки было такое приподнято-веселое настроеніе,

что они, не умолкая, смѣялись. Ниночка чувствовала на себѣ его влюбленный взглядъ, чувствовала его сильную руку, все крѣпче и крѣпче сжимавшую ея талію. Взвинченный ея ласковыми отвѣтными взглядами, Шустровъ испытывалъ тотъ приливъ возбужденнаго веселья, который выливался у него фейерверкомъ остроумія и заразительного смѣха.

Выѣхавъ изъ деревни, повернули вправо отъ замерзшаго, покрытаго снѣгомъ, Тобола. Ѣхали по замерзшему ряжу (болото, поросшее малорослой сосной), проѣхали острова, поросшіе пихтой, кедровникомъ и сосной, и Татарскіе надѣлы, съ невысокимъ густымъ лѣсомъ. Въѣхали въ березовый лѣсокъ. Мало по малу березки начали смѣняться ельникомъ, становившимся все гуще и выше. Наконецъ въѣхали въ гущину громадныхъ елей и сосенъ. Вѣтви, обложенныя рыхлыми бѣлыми пластами, обсыпали ѣхавшихъ мягкимъ, слѣпившимъ глаза, снѣгомъ.

Сани стали. Шустровъ весь подобрался. Ему больше не хотѣлось ни шутить, ни смѣяться, ни смотрѣть въ блестящіе глаза Ниночки. Всему этому уступило чувство напряженнаго выжидательнаго подъема, знакомаго каждому охотнику. Сердце его забилось сперва быстро, потомъ удары его стали ровны и сильны. По мускуламъ рукъ и ногъ пробѣжала

бодрящая дрожь, грудная клѣтка расширилась, глаза зорко устремились впередъ.

— Ахмедъ! — шопотомъ обозвалъ Шустровъ. — Иди впередъ. Онъ далеко?

— Не далеко: сейчасъ направо.

Обѣ лайки, туго натягивая веревки, привязанныя къ ошейникамъ, тянули впередъ. Лѣсникъ, тоже возбужденный, закрутивъ вокругъ кулака веревки, съ трудомъ удерживалъ собакъ, тихо переговариваясь съ кучеромъ. Татаринъ передалъ Шустрову рогатину и, взявъ его ружье, двинулся впередъ. Прошли нѣсколько десятковъ шаговъ по свѣже выпавшему дѣвственно-бѣлому снѣгу и подошли къ небольшой, въ нѣсколько шаговъ, площадкѣ, вокругъ которой густо толпились высокія прямыя сосны и раскидисто-мохнатыя ели. Татаринъ Ахмедъ, приложивъ палецъ къ губамъ, и указывая на легкій снѣжный бугоръ съ наваленными вѣтвями ельника, тихо произнесъ:

— Смотри: видишь куржакъ.

Шустровъ обернулся и движеніемъ руки остановилъ, шедшую за нимъ, Ниночку. У Ниночки екнуло сердце. Она схватила его за рукавъ, какъ бы желая удержать. Ей стало за него страшно, но онъ, уже весь охваченный нервнымъ волненіемъ и ожиданіемъ рѣшительной минуты, отдернулъ руку, сдѣлалъ нѣсколь-

ко шаговъ впередъ, твердо сталъ подлѣ сосны, чувствуя какъ напружились у него всѣ мускулы ногъ и рукъ, наготовилъ и крѣпко сжалъ рогатину и глазами далъ понять лѣснику, чтобы онъ спустилъ лаекъ.

Мохнатая бѣлая большая лайка — Аскольдъ и другая, жолто-сѣрая — Сѣрко, легкой, осторожной поступью, каждымъ своимъ движеніемъ давая понять, что онѣ учитываютъ серьезность момента, оставляя глубокіе и частые слѣды на рыхломъ снѣгу, приблизились къ берлогѣ. У всѣхъ будто оборвалось дыханіе. Въ глубокой и глухой тишинѣ лѣса пронеслось мгновеніе жути. У Ниночки неестественно широко открылись глаза. Шустровъ, оцѣпенѣвъ, словно весь былъ вылитъ изъ стали. Лайки сунулись къ челу*), обнюхали его мгновенно скользнули въ берлогу. У Шустрова упало сердце.

Еще одно мгновеніе... и вдругъ обѣ собаки, удивленно виляя хвостами, спокойно предстали передъ недоумѣвающимъ охотникомъ. Медвѣдя въ берлогѣ не было...

— Что такое?! Чортъ возьми! Гдѣ же медвѣдь?! — загремѣлъ голосъ взбѣшеннаго Шустрова.

Ахмедъ виновато качалъ головой, за-

---

*) Входъ въ берлогу.

глядывая въ пустую берлогу медвѣдя, спугнутаго частыми выслѣживаніями неосторожнаго татарина.

Ниночка звонко и назойливо-насмѣшливо заливалась раскатистымъ хохотомъ:

— Хорошъ медвѣдь! А еще съ рогатиной пошли!... Это точно въ синематографѣ... Нарочно все придумали!... Вотъ такъ охстникъ!

Шустровъ истерично ругался. Лайки виляли хвостами и вопросительно насмѣшливо оглядывались вокругъ.

ГОЛОДЪ НЕ ТЕТКА.

Комедія въ 1 дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

Елена Ивановна — старая дѣвица.
Василій Петровичъ Жмакинъ — актеръ.
Карповъ

Комната, раздѣленная пополамъ шкапами и ширмой. Въ одной половинѣ живетъ Елена Ивановна, въ другой Василій Петр. Жмакинъ. Онъ лежитъ на кровати или на кожаномъ диванѣ, съ ногами на перекладинѣ, съ руками подъ головой. Безпорядокъ на его половинѣ ужасный. Елена Ивановна за своимъ столикомъ, накрытымъ чистой салфеткой, собирается пить кофе. До ухода Елены Ивановны, весь разговоръ съ ней Жмакинъ ведетъ флегматичнымъ поддразнивающимъ тономъ.

Вас. Петр. Жмакинъ. Никакъ вы за ѣду принялись, Орлеанская Дѣва? Опять чрево ваше наполнять будете? (Молчаніе). Капиталы видно не переводятся. (Молчаніе). Что же вы молчите прекрасная Клеопатра, Офелія, царица души моей? (Молчаніе. Жмакинъ харкаетъ и плюетъ).

Ел. Ив. Опять вы харкаете?! Господи, что за свинство! Вы не въ хлѣву живете.

Жмакинъ. Въ хлѣву-съ. Въ самомъ настящемъ хлѣву. Живу, аки звѣрь. Пребываю въ голодѣ и уныніи.

Ел. Ив. Такъ прошу васъ не забывать, что я не звѣрь и не желаю имѣть сосѣдомъ свинью.

Жмакинъ. Что дѣлать: надо терпѣть.

Ел. Ив. Ну ужъ, терплю, терплю, но можетъ всякое терпѣніе лопнуть!

Жмакинъ. Что-жъ, лопайтесь.

Ел. Ив. Дуракъ!

Жмакинъ. Мерси-съ. (Опять плюетъ).

Ел. Ив. (Швыряетъ со злости ложку). Свинья!

Жмакинъ. Мерси-съ. (Послѣ паузы). Офелія, одолжите мнѣ вашу керосинку. Я бы хоть чаю выпилъ.

Ел. Ив. И не воображаю... испортите, а потомъ я буду на бобахъ сидѣть.

Жмакинъ. Скупость, сударыня, порокъ великій.

Ел. Ив. Не ваше дѣло!

Жмакинъ. (Послѣ паузы). Такъ что-жъ, не дадите машинки? А?

Ел. Ив. Сказала не дамъ и отстаньте.

Жмакинъ. Не по христіански живете; а по вечерамъ Богу молитесь, лампадку только даромъ жгете.

Ел. Ив. Это васъ не касается. Смотрите за собой лучше. На кого вы сами похожи?! Не моетесь, не причесываетесь, лохматый, отъ васъ воняетъ махоркой и всякой дрянью, какъ отъ козла; живете въ грязи, бѣлье по мѣсяцамъ не мѣняете...

Жмакинъ. А вы развѣ въ щелку подсматриваете, когда я бѣлье мѣняю? Не скромно это для дѣвицы, да еще такой тонной, какъ вы.

Ел. Ив. Дуракъ вы и больше ничего!

Жмакинъ. Благодарю за комплиментъ. (Пауза). Царица души моей, скажите мнѣ, что вы изволите кушать? Я хоть послушаю про вкусныя яства. (Молчаніе). Слышу по аромату, что кофеемъ угощаетесь. Ну, и лопайте, чортъ съ вами... (Сбрасываетъ ноги на полъ. Плюетъ съ азартомъ и харкаетъ).

Ел. Ив. Господи, да что же это за мука!

Поѣсть не дастъ! Вѣдь стошнитъ отъ вашихъ пакостей.

Жмакинъ. А вы не кушайте, когда ближній вашъ голоденъ. Поудержите вашъ аппетитъ.

Ел. Ив. Молчите! Я нс желаю разговаривать съ такимъ мужикомъ.

Жмакинъ. Не разговаривайте, я васъ и не приглашаю, а все-таки скажу, что вы особа очень зловредная: жадная, скупая, чревоугодница и вообща... паразитъ, зловредный паразитъ! Тараканы, клопы, мокрицы и вы — все это паразиты.

Ел. Ив. Если вы не замолчите, грубіянъ вы этакій, то я буду хлопотать, чтобы хозяйка васъ выселила... На улицу чтобы вышвырнула!

Жмакинъ. Съ голоду грублю, сударыня, съ голоду; а вы вотъ обжираетесь, а палецъ о палецъ не ударяете. Эхъ вы, ненасытная гіена!

Ел. Ив. Ну, погодите, ужъ я какъ-нибудь насолю вамъ! грубіянъ, невѣжа! И наказала же меня судьба жить въ этакой компаніи!

Жмакинъ. Никто васъ не держитъ. Сами живете. (Харкаетъ).

Ел. Ив. Покою нѣтъ въ своемъ углу... Хоть вонъ бѣги. (Набрасываетъ салфетку на столъ съ тарелочками, нервно надѣваетъ шляпу). Я ухожу. Если

кто придетъ, извольте сказать, что ушла изъ-за вашихъ дерзостей.

Жмакинъ. Опять на базаръ за покупками! Эхъ вы, Офелія съ базара!

Ел. Ив. (Уходитъ, хлопая дверью).

Жмакинъ. (Потягиваясь, зѣваетъ). Ушла. А вѣдь паразитъ! И злостный паразитъ. Хоть бы ужъ не лопала съ утра до ночи. На голодный желудокъ это развлеченіе среднее. (Пауза). Чортъ знаетъ что за положеніе! Ни ѣды, ни денегъ, ни табаку. (Роется у себя по карманамъ). Ни копья!.. Жретъ старая корга, а я за ея спиной отъ голоду пухну. Повѣсить ее мало. (Передразниваетъ): Мужикъ, грубіянъ, невѣжа... я не привыкла!.. я деликатнаго воспитанія... У-у... вѣдьма! (Стукъ въ дверь). Кто тамъ? Войдите.

Карповъ. Любезный другъ, какъ живешь?

Жмакинъ. Золъ, какъ чортъ. Третій день сижу безъ обѣда.

Карповъ. А ты бы поприльнулъ къ сосѣдкѣ.

Жмакинъ. Да ужъ я и такъ, и эдакъ... ничего не выходитъ.

Карповъ. Ну, и тетеря же ты! Не умѣть подъѣхать къ женщинѣ! Поворкуй ей понѣжнѣе, она и растаетъ. Используй въ широкомъ масштабѣ ея запасы, а

затѣмъ — благородно ретируйся: мадамъ, же ву салю...

Жмакинъ. Ужъ прійдется пуститься на эту авантюру. Голодъ не тетка. Она сейчасъ прійдетъ, а ты скажи ей, что засталъ меня въ отчаяніи, что я тебѣ душу излилъ и тамъ всякую всячину наври ей.

Карповъ. Это я могу, изволь. Такъ ты лучше иди прогуляться, наберись аппетиту, а я подожду ее тутъ и объяснюсь.

Жмакинъ. Ладно. (Уходитъ).

Карповъ. (Напѣвая, подходитъ къ столу Елены Ивановны, снимаетъ салфетку). Ого! Очень, очень пріятный ландшафтъ! (Быстро запираетъ входную дверь на ключъ). Что-жъ, начнемъ пожалуй! (Наливаетъ въ чашку кофе) Будемъ деликатны, господинъ Карповъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Вотъ такъ! Всего по-немногу! (Поспѣшно ѣстъ, потирая отъ удовольствія руки). Вотъ и закусилъ передъ обѣдомъ. Никому вѣдь не обидно. Кажется идетъ!.. (Быстро набрасываетъ салфетку. Стукъ въ дверь). Это ты, Василій Петровичъ? (Открываетъ. Входитъ Елена Ивановна). А-а, уважаемая Елена Ивановна, мое почтеніе! А я думалъ, что это Жмакинъ.

Ел. Ив. Ушелъ, значитъ. Ну, и слава Богу!

Карповъ. Ай-ай-ай, какая вы недобрая! Нехорошо это, а въ особенности въ отношенiи его.

Ел. Ив. Грубiянъ, невѣжа!.. я скоро заболѣю отъ сосѣдства съ нимъ.

Карповъ. И это говорите вы?

Ел. Ив. Конечно я, а не вы!

Карповъ. Жестокосердно такъ отзываться о больномъ.

Ел. Ив. Онъ боленъ? (Зло хохочетъ). Здоровъ, какъ быкъ.

Карповъ. Боже мой, какъ вы не чутки. Вы такъ женственны на видъ, такъ... скажемъ, эфирны, духоподобны и такъ не чутки! Вася боленъ, понимаете-ли, боленъ душой и сердцемъ, и все изъ-за васъ.

Ел. Ив. Ну да, конечно! Самъ нагрубилъ, а потомъ заболѣлъ! Чѣмъ это онъ заболѣлъ, нельзя ли мнѣ узнать?

Карповъ. Истерикой.

Ел. Ив. Ха-ха-ха! Быкъ заболѣлъ истерикой! Ну, ужъ, это что-то совсѣмъ дикое!

Карповъ. Однако, я вижу, что Вася правъ, называя васъ каменной и жестокой особой. У васъ, дѣйствительно, сердца нѣтъ

Ел. Ив. При чемъ тутъ сердце?

Карповъ. Ахъ, не притворяйтесь, коварная вы женщина.

Ел. Ив. Что это за разговоръ у васъ? Что за шутки?

Карповъ. Ну, довольно вамъ мнѣ голову морочить. Во-первыхъ, я и самъ не такъ ужъ слѣпъ и глупъ, а во-вторыхъ, полчаса тому назадъ, заставъ Васю въ припадкѣ истерики, я добился у него причины ея, и онъ открылъ мнѣ свое сердце. Ну, зачѣмъ это вы такъ мучаете его, Елена Ивановна? Это жестоко. Онъ не виноватъ, что потерялъ голову или, вѣрнѣе, что вы заставили его потерять голову. Я ему давно говорилъ: брось ты эту комнату, къ чорту ее, съѣзжай пока совсѣмъ не изсохъ. Нѣтъ, говоритъ, не могу. Хоть и терзаюсь, и мучаюсь, а все же рядомъ съ «ней» живу. Пусть, говоритъ, ругаетъ, всѣ муки стерплю, лишь бы видѣть и слышать ее...

Ел. Ив. (Растерянно). Что это за чепуху вы несете? Ничего не понимаю.

Карповъ. Отлично вы понимаете! Скажу я вамъ вотъ что: всему есть мѣра, Елена Ивановна. Довольно вамъ глумиться надъ его чувствомъ. Приласкайте вы его хоть разокъ. Вѣдь онъ изъ-за васъ образъ человѣческій потерялъ.

Ел. Ив. Изъ-за меня?! И грубитъ изъ-за меня?! И харкаетъ изъ-за меня?! И въ потолокъ плюетъ изъ-за меня?!

Карповъ. Обязательно, все это изъ-за

васъ. И ребенокъ пойметъ, что если человѣка обидятъ и оскорбятъ въ его нѣжныхъ чувствахъ, такъ онъ на стѣну полѣзетъ и на зло будетъ дѣлать. Это ясно.

Ел. Ив. (Взволнованно). Однако, онъ даже и не пробовалъ, ну хоть какъ-нибудь дать мнѣ понять...

Карповъ. Говоритъ, что вы сразу возненавидѣли его; ну онъ, конечно, и закусилъ удила. Нѣтъ, ужъ вы, Елена Ивановна, пожалѣйте его хоть немного. Этакъ нельзя! Высохъ, зачахъ совсѣмъ, и все изъ-за васъ. Только ужъ не проговоритесь, что я выдалъ его тайну, а то онъ разсорится со мной на всю жизнь. Вѣдь онъ гордъ, какъ Олимпійскій богъ. Однако, мнѣ пора. Будьте здоровы, и, главное, менѣе жестоки къ моему несчастному другу. (Уходитъ).

Ел. Ив. (Одна). Господи, неужели-же это правда?! Какъ это я не поняла?! Онъ влюбленъ въ меня, онъ любитъ меня, ночи не спитъ, терзается, а я... ничего не понимаю и ненавижу его! Какая насмѣшка судьбы! Какое счастье, что Карповъ открылъ мнѣ глаза. Онъ любитъ! Страдаетъ... У него истерика изъ за меня сдѣлалась. Господи!.. я любима! Какое дивное слово: лю-би-ма! И я мучаю его, браню! Какой ужасъ!

Счастье рядомъ, оно стучится и просится ко мнѣ, а я гоню... Безумная я! А вдругъ онъ съ отчаянья пошелъ застрѣлиться или утопиться?! Нѣтъ, только не это. Я не хочу! (Радостная садится на стулъ, откидываетъ голову, — мечтаетъ). Пусть онъ скорѣе прійдетъ... скорѣе... Василій Петровичъ, милый, хорошій... Вася!.. Ва-ся! Какое милое имя! Какое неожиданное счастье!...

Входитъ **Жмакинъ** и не глядя проходитъ къ себѣ. (Пауза длинная).

Ел. Ив. Кажется, дождикъ идетъ?

Жмакинъ. (Вздыхаетъ).А чортъ его подери! (Пауза).

Ел. Ив. Дать вамъ мою керосинку?

Жмакинъ. (вздыхаетъ). Нѣтъ, не надосъ. (Пауза).

Ел. Ив. Вы, кажется, не обѣдали сегодня?

Жмакинъ. (Вздыхаетъ). Мнѣ теперь все, все равно.

Ел. Ив. Почему же это, Василій Петровичъ?

Жмакинъ. Эхъ, не стоитъ распространяться на эту тему.

Ел. Ив. Нѣтъ, почему же...

Жмакинъ. А потому, что толку все равно выйдетъ мало.

Ел. Ив. (Робко, кладя руку на сердце). А вы... попробуйте.

Жмакинъ. (съ тяжелымъ вздохомъ).

Нѣтъ, ужъ лучше буду молчать. (Пауза). Э-эхъ, ты жизнь моя проклятая!

Ел. Ив. Что это съ вами?! Развѣ можно жизнь проклинать?! Что вы?! Грѣхъ какой!..

Жмакинъ. А вотъ то, что въ одинъ прекрасный день возьму да и повѣшусь на этомъ гвоздѣ, рядомъ съ вашимъ шкапомъ!

Ел. Ив. (вскакивая). Ахъ, что это вы за ужасъ говорите! Вы съ ума сошли!..

Жмакинъ. (возбужденно). Да, сошелъ съ ума! Потерялъ разсудокъ! Довольно! Соберу свои вещи и уѣду отсюда... Прощайте... Освобожу васъ! Радуйтесь... Наслаждайтесь!.. Добились своего, замучили, затерзали человѣка...

Ел. Ив. (входитъ къ нему). Успокойтесь, ради Бога! Что съ вами дѣлается?

Жмакинъ. Довольно... довольно мучиться... Я уѣду! (Съ азартомъ швыряетъ съ мѣста на мѣсто подушку, одѣяло, срываетъ пальто).

Ел. Ив. Василій Петровичъ, у васъ, я вижу, очень нервы натянуты. Успокойтесь! Пойдемте ко мнѣ. Выпейте у меня чашечку кофе, поговоримте.

Жмакинъ. (сразу успокаивается). Вы думаете? Ну, хорошо. (Идутъ). Разрѣшите сѣсть? Я какъ то ослабъ весь отъ... горя.

Ел. Ив. Да какое же у васъ горе? Согрѣть вамъ кофе?

Жмакинъ. Не стоитъ согрѣвать. Я съ удовольствіемъ и холодный выпью.

Ел. Ив. Да онъ еще теплый, пейте пожалуйста; вотъ сахаръ. Кладите еще, у меня запасъ есть.

Жмакинъ. Я бы винца выпилъ, если есть.

Ел. Ив. Пожалуйста, сколько хотите. (достаетъ изъ шкапа). Вамъ, я вижу, надо подкрѣпиться сперва, а потомъ мы и поговоримъ съ вами, объяснимся. Не правда-ли?. (Наливаетъ въ стаканъ).

Жмакинъ. Совершенно вѣрно: сперва подкрѣпимся хорошенько... (выпиваетъ залпомъ). А тамъ что у васъ, царица души моей, сырокъ кажется? Или творожекъ?

Ел. Ив. Сыръ и колбаса. И творогъ есть.

Жмакинъ. Такъ вы и творожку дайте, до смерти люблю молочное, и мясное, и всякое этакое съѣдобное. (Рѣжетъ большими кусками и жадно ѣстъ одно за другимъ. Самъ наливаетъ себѣ еще кофе).

Ел. Ив. Никакъ я не думала, что вы такой нервный, Василій Петровичъ.

Жмакинъ. (еле прожевывая). Мгм... очень нервный-съ.

Ел. Ив. А вы хорошо спите?

Жмакинъ. Какъ убитый... т. е. раньше такъ спалъ, а теперь совсѣмъ не сплю.

Ни въ одномъ глазу... Знаете, все это въ головѣ: «Ночи безумныя, ночи безсонныя...» Впрочемъ, вы дѣвица и понять меня не можете...

Ел. Ив. (жеманясь). Ну, отчего же... я все могу понять.

Жмакинъ. Нѣтъ-ли у васъ еще этихъ булочекъ? Я, знаете-ли, человѣкъ съ громаднымъ, дьявольскимъ темпераментомъ, и потому у меня такой сильный аппетитъ. Если я влюбленъ, я, что называется, сгораю.

Ел. Ив. Господи, такъ вы поберегите себя!

Жмакинъ. Не могу-съ.Горю, сгораю и все тутъ. Превкусные у васъ эти булочки! И сыръ отличный! Ну-ка, я еще кусочекъ. Да что тамъ рѣзать, прикончу-ка я его сразу. И медку еще... Вотъ такъ!

Ел. Ив. (Услужливо подавая то одно, то другое). Что вы называете темпераментомъ? я не совсѣмъ это понимаю.

Жмакинъ. (съ полнымъ ртомъ). Страсть, дикая африканская страсть. Я могу... задушить... за-ду-шить любимую женщину, въ порывѣ страсти...

Ел. Ив. Ахъ, какъ это страшно! У меня даже сердце забилось отъ ужаса.

Жмакинъ. Да, задушу, а потомъ рыдаю, въ конвульсіяхъ рыдаю, припавъ къ мертвому тѣлу обожаемой женщины. Да, вотъ я каковъ! Я безпощадный въ

любви! Или все — или ничего! Или моя вся, или... (засовываетъ въ ротъ кусокъ хлѣба), умри... исчезни. О, я какъ тигръ кровожаденъ.

Ел. Ив. Неужели же вы не умѣете быть нѣжнымъ? (Мечтательно). Чтобы убаюкать, усыпить лаской?

Жмакинъ. Я могу любить только какъ властелинъ. (Встаетъ въ позу):
— Прійди ко мнѣ моя рабыня
И до земли склонись челомъ,
Чтобы въ объятіяхъ властелина... (задумывается, ища рифму). Нашелъ!..
Въ любви намъ слиться съ торжествомъ...
Это четверостишіе я посвящаю вамъ. Это мой экспромтъ.

Ел. Ив. Ахъ, какая прелесть! Запишите это въ мою тетрадку.

Жмакинъ. Потомъ, потомъ... Уфъ, ну я и насытился, можно сказать, на недѣлю. Ублаготворили! Благодарю васъ, прелестная Клеопатра! Курнуть можно? Я только что перехватилъ папироску у товарища. (Закуриваетъ. Разваливается. Сопитъ отъ сытости и удовольствія). Тэкъ-съ!... (Напѣваетъ себѣ подъ носъ, барабаня пальцами по столу). Трам-там-там... Трам-там-там...

Ел. Ив. Вы хотѣли мнѣ что-то сказать?

Жмакинъ. Сказать? Трудно это, знаете...

психологія души, это, знаете ли, штучка сложная-съ.

Ел. Ив. Вы пожалуйста не подумайте, Василій Петровичъ, что я не пойму или, тамъ, не захочу понять.

Жмакинъ. Нѣтъ-съ, я ничего не думаю. Трам-там-там...

Ел. Ив. Однако, я увѣрена, что вы хотѣли мнѣ что-то сказать!

Жмакинъ. (Дремлетъ и клюетъ носомъ). Н-да... очень, очень, знаете штучка сложная пси-хо-логія ду-ши...

Ел. Ив. Василій Петровичъ, на что это похоже! Вы совсѣмъ спите!.. Потушите папироску, пожаръ сдѣлаете!

Жмакинъ. (Мычитъ). М-гм... ммм...

Ел. Ив. Да что-же это съ нимъ? Василій Петровичъ! Если хотите спать, то идите къ себѣ — здѣсь не мѣсто.

Жмакинъ. Слушаюсь. Ухожу. (Встаетъ, зѣваетъ, потягивается).

Ел. Ив. Однако, поведеніе ваше очень и очень странное. Пришли, все съѣли и уходите спать.

Жмакинъ. А что-же вамъ еще надо? Посвятилъ стихъ и довольно.

Ел. Ив. Вы хотѣли что-то сказать.

Жмакинъ. Да что вы пристали ко мнѣ! Ничего я не хотѣлъ! Ѣсть хотѣлъ — это вѣрно, а больше рѣшительно ничего-съ.

Ел. Ив. Однако, Карповъ говорилъ мнѣ...

Жмакинъ. (Свиститъ). Фюить! Карповъ вамъ что хотите наговоритъ.

Ел. Ив. А вы сами развѣ не вздыхали, не жаловались на судьбу?

Жмакинъ. Вздыхалъ, сударыня, вздыхалъ, и на судьбу жаловался отъ голоду, а теперь сытъ, и веселъ, и доволенъ.

Ел. Ив. Такъ что-же это? Вы сговорились съ Карповымъ?

Жмакинъ. Каюсь — сговорились. Голодъ не тетка-съ.

Ел. Ив. Какая подлость! Какая гнусность!

Жмакинъ. Вѣрно, вѣрно: и подлость и гнусность, а все-таки теперь я сытъ.

Ел. Ив. Какъ волкъ набросились и все сожрали на столѣ!

Жмакинъ. Каюсь — сожралъ все.

Ел. Ив. Подлецъ, нахалъ! (Швыряетъ въ него салфеткой).

Жмакинъ. Нэ кырпичысь, душа мой, нэ кырпичысь.

Ел. Ив. (чуть не плача). Молчать! Весь сыръ слопалъ, весь медъ!

Жмакинъ. Слопалъ, слопалъ.

Ел. Ив. Вонъ отсюда, вонъ!

Карповъ. (Полуоткрываетъ дверь). Что, братъ, вижу у тебя дѣло плохо. Пойдемъ-ка лучше ночевать ко мнѣ.

Ел. Ив. А, такъ это вы! Негодяй вы этакій, лгунъ!

Карповъ. Вася, скорѣе... въ картишки поиграемъ, насъ тамъ ждутъ...

Жмакинъ. (беретъ шапку, раскланивается). Мадамъ, же ву салю! Царица души моей, мое почтеніе, твой властелинъ исчезаетъ.

Ел. Ив. Не смѣйте мнѣ тыкать! Вонъ отсюда!.. Мерзавцы!.. (Падаетъ на стулъ въ безсильной злобѣ).

ЗАНАВѢСЪ.

ИСТЕРИЧКА.

Комедія въ 1 дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

Павелъ Павловичъ Прудковъ — писатель, средних лѣтъ.

Анна Михайловна Вулканова —его другъ, истеричка.

Дѣйствіе происходитъ въ кабинетѣ Прудкова.

Прудковъ. (Занимается за письменнымъ столомъ).

Вулканова. (Быстро входитъ). Прости, что я такъ врываюсь, но я... я не могу... не могу больше. (Бросается на стулъ и закрываетъ лицо руками). Понимаешь ли, силъ моихъ больше нѣтъ... Не могу...

Прудковъ. Что съ тобой? Случилось что нибудь?

Вулканова. Ахъ, все тоже, все тотъ же безпросвѣтный туманъ. Я рѣшила покончить съ собой. И пожалуйста не

уговаривай меня, не упрашивай: я рѣшила безповоротно.

Прудковъ. Да я и не думаю уговаривать, милочка моя. Я молчу.

Вулканова. Ну, вотъ именно молчи. Я рѣшила раздѣлаться съ этимъ гнуснымъ ярмомъ — жизнью.

Прудковъ. Это, конечно, вопросъ взгляда. Я, какъ ты знаешь, жизнь очень люблю.

Вулканова. Конечно, ты ее любишь, потому что тебѣ везетъ.

Прудковъ. Не столько везетъ,, сколько я самъ не стою на мѣстѣ и не жду, чтобы мнѣ галушки въ ротъ падали.

Вулканова. Я умираю отъ тоски, отъ скуки... и никогда нѣтъ денегъ.

Прудковъ. Я даю тебѣ, сколько могу. Отчего бы тебѣ не поступить на службу?

Вулканова. Я — на службу? Благодарю покорно. Это что-же: щелкать на машинкѣ по десяти часовъ въ сутки, чтобы выщелкать себѣ всѣ нервы?...

Прудковъ. Попробуй играть на роялѣ въ синематографѣ. Я знаю, что тамъ отлично оплачиваютъ.

Вулканова. Играть въ симатографѣ?... Ну ужъ это — нѣтъ. Я слишкомъ уважаю музыку, чтобы барабанить какъ очумѣлая по пяти часовъ сряду какіе-то идіотскіе вальсы и польки.

Прудковъ. Давай уроки музыки.

Вулканова. Это кому же давать — тупоголовой дѣтворѣ? Тыкать имъ по клавишамъ: до, ре, ми, фа, соль; слушать ихъ фальшъ и получать гроши? Ну, нѣтъ, другъ мой, музыку я люблю какъ искусство, а не какъ гаммы и экзерсисы съ ребятишками.

Прудковъ. У тебя есть голосъ, — поступай въ оперетку.

Вулканова. Въ оперетку?! Да за кого же ты меня считаешь? Я въ оперетку?! (Вскакиваетъ, подхватываетъ юбки и дѣлаетъ па). Voyez par-ci, voyez par-la, comment trouve-zvous tout cela... Тебѣ угодно, чтобы я это продѣлывала? И ты можешь давать мнѣ подобный совѣтъ? Именно ты!!

Прудковъ. Ахъ, да перестань, пожалуйста. Ничего позорнаго я въ этомъ не вижу.

Вулканова. (Сердито). Ну и не видь... Прекрасно. Ты вообще ничего не видишь, кромѣ своего писанія. А я вижу, потому что не могу, какъ ты, уноситься отъ реальной жизни въ какихъ то фантазіяхъ. То есть я могу, но никто не напечатаетъ мои фантазіи, потому что у меня нѣтъ протекціи.

Прудковъ. Ну, это пустяки. Печатаютъ и безъ протекціи. Наконецъ, я готовъ помочь тебѣ, если ты напишешь что-нибудь художественное.

Вулканова. О, за это я ручаюсь. У меня такая богатая фантазія! Мысли иногда какъ мухи, такъ и облѣпятъ мозгъ. Ну, вотъ, напримѣръ, такой разсказъ... Онъ у меня давно готовъ въ головѣ. (Становится въ позу, съ пафосомъ, съ широкимъ жестомъ). Пустыня... широкая пустыня. Кругомъ пески. Палитъ жгучее солнце. Полдень. Адская жара. Тѣни дрожатъ и ложатся...

Прудковъ. Позволь, ты говоришь — пустыня и полдень, такъ какія же тутъ тѣни?

Вулканова. Ну, это не важно... Идетъ человѣкъ. Понимаешь ли, гордый человѣкъ. Онъ высокъ, строенъ, голубоглазъ, его кожа прозрачна какъ воскъ, его чело нѣжно какъ лилія...

Прудковъ. Да вѣдь онъ въ жгучей пустынѣ. Какъ же можетъ быть его кожа такой нѣжной?

Вулканова. Ну, такъ это же? Значитъ, онъ не успѣлъ еще загорѣть. Ты придираешься. И вотъ, онъ идетъ, идетъ... Вѣтеръ развѣваетъ его свѣтлыя кудри, солнце жжетъ и палитъ его голову. Его одежды легки, какъ воздухъ. Надъ нимъ кружится и жалобно поетъ бѣлая чайка...

Прудков. Аня, помилосердствуй. Чайка не поетъ, и какая же чайка въ пустынѣ? Откуда она взялась?

Вулканова. Какъ откуда? Прилетѣла. Вотъ глупости какія! Для того у чайки и крылья, чтобы она летала...

Прудковъ. Да вѣдь чайка морская птица.

Вулканова. Такъ что же съ этого? Ну, и морская, а взяли и прилетѣла въ пустыню.

Прудковъ. Вотъ ерунда! Ну, да хорошо ужъ, дальше.

Вулканова. Чайка опустилась на плечо гордаго человѣка и заговорила человѣческимъ голосомъ: милый мой, я знаю, что ты усталъ, что ты изнуренъ долгимъ путемъ. Я знаю, что ты эмигрантъ, покинувшій свою родину. Вотъ я принесла тебѣ дивный рубинъ. И чайка клювомъ вдѣлываетъ рубинъ...

Прудковъ. Ужъ не въ лобъ ли?

Вулканова. Въ его шлемъ, который жжетъ ему лобъ.

Прудковъ. Я понялъ, что его голова была непокрыта.

Вулканова. Ну такъ это же? Была непокрыта, — да. А онъ взялъ и надѣлъ.

Прудковъ. (Про себѣ). О, Боже, дай мнѣ терпѣнье... Что же дальше будетъ?

Вулканова. Я не могу, если ты на каждомъ шагу перебиваешь меня.

Прудковъ. Изволь, я буду молчать. Дальше.

Вулканова. Аллахъ! воскликнулъ онъ, ты

видишь мое сердце, ты знаешь, какъ я любилъ занесенную снѣгомъ родину мою...

Прудковъ. (Нетерпѣливо стучитъ кулакомъ по столу). При чемъ же тутъ Аллахъ, если онъ изъ страны, занесенной снѣгомъ?

Вулканова. (Машетъ на него двумя руками). Не перебивай! И вдругъ появляется громадное войско. Вооруженные всадники въ мѣдныхъ латахъ, верхомъ на слонахъ и верблюдахъ...

Прудковъ. Что за чепуха! Верхомъ на слонахъ и верблюдахъ...

Вулканова. Дай кончить... Не мѣшай. Тутъ самое интересное... Они подняли истомленнаго путника и отнесли его подъ тѣнь розовыхъ кустовъ, подлѣ журчащаго ручья.

Прудковъ. (Кричитъ). Пустыня!.. Пустыня!.. Откуда взялся журчащій ручей и какая тѣнь подъ кустами розъ?... Довольно... Довольно... Хоть я и люблю тебя, но я отказываюсь отъ всякой протекціи.

Вулканова. Ахъ, ты отказываешься? Хорошо, я замолчу, но теперь ты самъ видишь, какъ трудно мнѣ хоть чего нибудь добиться.

Прудковъ. Помилуй, дорогая моя, вѣдь нельзя же печатать всякую чушь. Печать — не дровяной складъ.

Вулканова. Вотъ и прекрасно! Значитъ, мнѣ нѣтъ мѣста, и я должна покончить съ собой.

Прудковъ. Какъ тебѣ не надоѣстъ молоть такой вздоръ!

Вулканова. Прійду домой и отравлюсь. И напрасно ты улыбаешься. Я совсѣмъ не шучу. Меня грызетъ тоска. Я была бы счастлива хоть драную кошку къ сердцу моему прижать, до того я одинока.

Прудковъ. Отчего же тебѣ мало меня прижимать къ сердцу? А драныхъ кошекъ сколько угодно по дворамъ бѣгаетъ.

Вулканова. Мнѣ все и всѣ до того опротивѣли, что я съ ужасомъ думаю о томъ, что передо мною еще нѣсколько часовъ жизни. Сейчасъ напишу нѣсколько строкъ, чтобы никого не винили въ моей смерти и тогда покончу съ собой.

Прудковъ. Пиши, пожалуй. Вотъ тебѣ перо и бумага.

Вулканова. (Пишетъ). Ну, вотъ и написала. Теперь все.

Прудковъ. А можетъ быть ты передумаешь, и мы поѣдемъ поужинать куданибудь?

Вулканова. Ни за что! Пожалуйста не упрашивай. Я рѣшила, и ничто мнѣ не помѣшаетъ въ этомъ. И такъ — про-

стимся. Спасибо тебѣ за ласку ко мнѣ... Прощай... (Плачетъ). Не поминай лихомъ... живи... а я.., а я... исчезну..., отлечу въ царство смерти... въ вѣчность. (Бросается въ кресло, рыдаетъ, громко сморкается). Прощай... (Сквозь рыданія напѣваетъ). «И жизненной сказкѣ конецъ»!.

Прудковъ. Ахъ, Боже мой! Вѣдь ты знаешь, Аня, что такія сцены мнѣ дѣйствуютъ на нервы. Къ чему ты все это затѣяла? Я не понимаю.

Вулканова. Какъ? Что? Затѣяла? И это говоришь ты, видя, что я... что я... на краю могилы?

Прудковъ. Да полно, другъ мой. Ну какая тамъ могила? Перестань.

Вулканова. Такъ ты не вѣришь? Такъ ты что же это: воображаешь, что я забавляюсь?

Прудковъ. Право же, я ничего не воображаю. Я только совѣтую тебѣ успокоиться, потому что все это одинъ вздоръ.

Вулканова. Господи, я всегда, всегда говорила, что я одинока, что никто понять меня не можетъ! Господи!.. Господи... (Рыдаетъ).

Прудковъ. Ну, перестань, ну, хорошо, довольно.

Вулканова. Оставь! Оставь! Всѣ вы на

одинъ ладъ. Хороши только вначалѣ, а потомъ злые, черствые эгоисты...

Прудковъ. Ну, Аничка!..

Вулканова. Уйди! оставь!.. уйди же, наконецъ... или я... я...

Прудковъ. Изволь, я уйду... и вернусь, когда ты успокоишься.

Вулканова. Да, успокоюсь!.. на вѣки успокоюсь... (Кричитъ). Уходи, говорю я тебѣ, уходи...

Прудковъ. Ну, однако!.. (Уходитъ).

Вулканова. (Одна). Черствые, всѣ черствые эгоисты. Стоитъ ли для нихъ жить! Стоитъ ли имъ давать хоть столько своей души! Умереть! Да, умереть и все покончить. Сказала умру и умру. Вотъ тутъ, въ этой самой комнатѣ, на зло ему, умру. Пусть потомъ волосы на себѣ рветъ. Поздно будетъ сожалѣть... Такъ ему и надо. (Звонитъ телефонъ). (Сморкаясь и утирая слезы). Алло... Кто звонитъ?... Его нѣтъ дома... онъ вышелъ. Вѣроятно, скоро вернется... Что такое?... кто я?... Извольте: моя фамилія Вулканова... Да, да, Анна Михайловна... Что такое?!.. Что за глупости!.. Влюблены?... Съ какихъ же это поръ?.. Съ нашей встрѣчи? Но, простите, я не узнаю васъ по голосу... Ахъ, Петръ Викторовичъ Захаровъ!.. Да, теперь узнаю... Нѣтъ, не догадывалась... Что такое?... Умоляете?... На ко-

лѣняхъ? Какой вы странный, право... Да зачѣмъ вамъ это?... Я не вѣрю этому... Да, пожалуй, вы правы... Ахъ, вотъ что!... Теперь, значитъ, вы считаете себя въ правѣ? Хорошо, я слушаю... О-о!!. Ну, дальше, дальше... Говорятъ, что да: кокетка... Готовы на безуміе?... Ну, на какое же?... Нѣтъ, вы просто сумасшедшій!.. Что-о?... Нѣтъ, это просто бредъ какой-то!.. Клянетесь? И вы — серьезно?... Когда же?... Сегодня ужинать?... Н-н-е знаю... Ну, хорошо, я согласна... Ахъ, Боже мой, разъ я обѣщаю вамъ... Ну, извольте: честное слово... Такъ заѣзжайте лучше прямо сюда, поѣдемте ужинать, а послѣ ужина я сдѣлаю такъ, что вы меня проводите домой. Хорошо... Хорошо, я вѣрю вамъ... Ну, будетъ... будетъ... Да, я жду и... и... обѣщаю. (Вѣшаетъ трубку). Вотъ такъ исторія!.. Ужъ этого я никакъ не ожидала. Дѣйствительно, это сумасшедшій какой-то... Интересно, что будетъ... (Садится въ кресло, съ блуждающей улыбкой задумывается).

Прудковъ. (Входитъ). Я вижу, ты успокоилась?

Вулканова. Да. Вполнѣ.

Прудковъ. И не собираешься умирать?

Вулканова. Нѣтъ, не собираюсь. (Разражается хохотомъ).

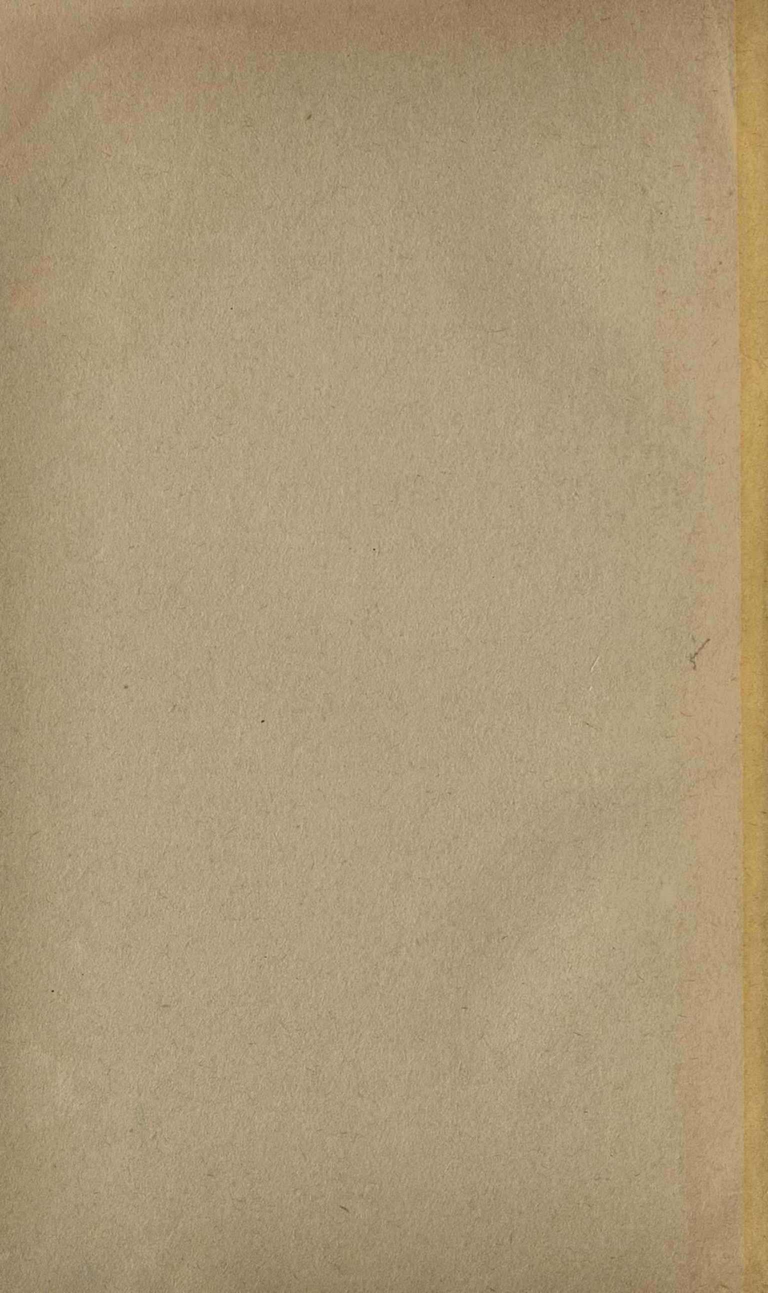
Прудковъ. Что такое?! Только что ты тутъ рыдала, говорила, что отравишься...

Вулканова. Ну такъ что же? Вотъ глупости какія! Время есть: отравиться всегда успѣю.

ЗАНАВѢСЪ.

ПОСЛѢ МАСКАРАДА.

Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ.

Князь — старикъ. Рамоликъ.

Женя — артистка.

Викторія — ея подруга.

Лакей.

Дѣйствіе I.

Женя. (Въ бѣломъ парикѣ, у туалетнаго стола напѣваетъ). «Захочу — полюблю, захочу — разлюблю, я надъ сердцемъ вольна, жизнь на радость намъ дана».

Одна бровь, кажется, выше другой... Вотъ такъ! Прекрасно! Сегодня я не дурна. Во всеоружіи. Бѣдный мой князь: онъ и не воображаетъ, что я собираюсь его провести.

Викторія. (вбѣгаетъ) Безобразіе! Ждемъ тебя напрасно цѣлыхъ два часа. Опять ты насъ надула!

Женя. Знаешь ли, сегодня я въ чудесномъ настроеніи.

Викторія. Что это значитъ? Парикъ?... Мушки? Опять на балъ?

Женя. Во чтобы то ни стало, я должна быть сегодня въ маскарадѣ.

Викторія. Одна? Безъ князя?

Женя. Конечно, одна. Я нарочно и устроила у тебя эти карты, чтобы онъ далъ мнѣ возможность одѣться и безконтрольно исчезнуть на весь вечеръ.

Викторія. Думаю, что тебѣ это не удастся. Князь очень волновался, что тебя нѣтъ, и сѣлъ играть въ карты, взявъ съ меня обѣщаніе, что я сейчасъ же привезу тебя.

Женя. Вѣдь я же сказала ему по телефону, что у меня голова болитъ.

Викторія. Очевидно, онъ не повѣрилъ.

Женя. Это, положимъ, не важно; главное, чтобы онъ сюда не пріѣхалъ. Черезъ часъ я уѣду.

Викторія. Положительно, я тебѣ удивляюсь.

Женя. Чему же тутъ удивляться?

Викторія. Вспомни меня, что всѣ эти твои фокусы кончатся, въ одинъ прекрасный день, весьма скверно.

Женя. Ахъ, оставь пожалуйста. Мои фокусы не хуже твоихъ.

Викторія. Ты называешь фокусами, что я не признаю любви внѣ брака? Ты это хочешь сказать? (Раздражается).

Женя. (Спокойно, продолжая передъ

зеркаломъ отдѣлывать глаза, губы и брови). Не признаешь, потому что ищешь милліонаго жениха.

Викторія. Это возмутительно! Какъ ты можешь такъ думать! Не суди по себѣ.

Женя. (Смѣется). По себѣ! Ужъ я то ровно ничего не ищу. Сами за мной гоняются.

Викторія. Напрасно ты смѣешься. Берегись. Князь не такъ глупъ, чтобы расточать свои милліоны и знать, что ты его надуваешь.

Женя. Онъ такъ влюбленъ и такъ глупъ, что ровно ничего не замѣчаетъ и потомъ, если бы ты была на моемъ мѣстѣ...

Викторія. Ну, ужь я никогда не могла бы быть на твоемъ мѣстѣ.

Женя. Очень жаль, потому что князь однажды сказалъ...

Викторія. Что же онъ сказалъ?

Женя. Что я приношу ему много волненій и что если бы я его бросила, то онъ пошелъ бы только къ тебѣ искать утѣшенія.

Викторія. (Мѣняя тонъ). Онъ тебѣ это сказалъ? Вотъ не думала!

Женя. Увѣряю тебя, что я, какъ добрая подруга, приняла это къ свѣдѣнію и имѣла въ виду завѣщать тебѣ милліоны вмѣстѣ съ княземъ, въ случаѣ его отставки отъ моей особы. Что же ты

такъ задумалась? Будь искренна и спроси меня: скоро ли я дамъ ему отставку (хохочетъ).

Викторія. Что тутъ смѣшного?

Женя. Но вѣдь ты не признаешь любви внѣ брака!

Викторія. Для того и существуютъ браки...

Женя. Съ кѣмъ: съ княземъ? (Хохочетъ). Поздравляю! Онъ считаетъ бракъ верхомъ отсталости и на этой почвѣ его никто не собьетъ... Однако, довольно о немъ .У меня есть къ тебѣ просьба, которая, въ концѣ концовъ, можетъ приблизить тебя къ его милліонамъ.

Викторія. Ты говоришь чушь!

Женя. Да ты послушай. На дняхъ я получила вотъ это письмо: «Прелестная Евгенія Павловна, всю зиму слѣжу за вами. Готовъ сложить у вашихъ ножекъ мой титулъ, мои милліоны, мою молодость и мое сердце, болѣе горячее, чѣмъ сердце вашего князя. Умоляю васъ быть 28-го на маскарадѣ въ Опера. Если Вашъ Церберъ не дастъ мнѣ возможности подойти къ Вамъ, то пріѣзжайте съ нимъ ужинать въ «Феріа» и непремѣнно сдѣлайте такъ, чтобы князь отлучился. Вы узнаете меня по голубому значку на фракѣ. Прижимаю къ сердцу Ваши ножки. Вашъ рабъ. (Роняетъ письмо на полъ подлѣ дива-

на). Сколько я ни ломаю голову, я не могу понять кто это написалъ? Сегодня утромъ чей то прiятный голосъ напомнилъ мнѣ по телефону, что меня будутъ ждать на маскарадѣ и у «Ферiа».

Викторiя. Чѣмъ же я могу помочь тебѣ?

Женя. Ради Бога, оставайся здѣсь. Если князь прiѣдетъ сюда до моего исчезновенiя, то мы скажемъ, что безумно хотимъ ѣхать на этотъ маскарадъ. Если мнѣ тамъ не удастся скрыться отъ взоровъ князя, то мы поѣдемъ ужинать къ «Ферiа». Когда мы увидимъ условный голубой значекъ, то, умоляю тебя, придумай что нибудь, чтобы увлечь князя не въ моемъ, а въ твоемъ направленiи...

Викторiя. Ты говоришь глупости. Если я соглашусь, то только изъ дружбы къ тебѣ, тѣмъ болѣе, что меня очень интересуетъ кто же этотъ влюбленный въ тебя «рабъ»?. Отчего же за цѣлую зиму онъ не нашелъ возможности представиться тебѣ? Что хочешь, тутъ что то нечисто. На твоемъ мѣстѣ я ни за что не рискнула бы ѣхать одна. Мало ли кто это можетъ быть? Какой нибудь мошенникъ. Узналъ, что у тебя есть бриллiанты.

Женя. Ну, я не изъ трусливыхъ.

Викторiя. Во всякомъ случаѣ оставаться съ нимъ я тебѣ не совѣтую.

Женя. Обязательно останусь! Это и есть самое интересное.

Викторія. Тебѣ непремѣнно нужны сильныя ощущенія!

Женя. О, да, чтобы по нервамъ било...

Князь. (Входитъ). Боже мой, кто, что по нервамъ долженъ бить?... Mon ange. очевидно вы... (пораженъ) парикъ? Что это значитъ? Вѣдь у васъ мигрень? Вотъ я и конфетъ вамъ принесъ въ утѣшеніе! Mon ange, я ничего не понимаю. (Цѣлуетъ дамамъ ручки).

Женя. Конфеты очень кстати, мерси, хотя мигрень моя уже и прошла.

Князь. Но парикъ? Отчего парикъ?

Женя. Мы рѣшили съ Виттой поѣхать на маскарадъ и увѣрены, что вы согласитесь быть нашимъ кавалеромъ.

Князь. Я предполагалъ сегодняшній вечеръ кончить въ вашемъ будуарчикѣ у камина,

Женя. Милый князь, я уже почти одѣта и мы поѣдемъ непремѣнно.

Князь. Ахъ, какъ вы капризны и измѣнчивы, мой другъ. То у васъ мигрень, то что то острое бьетъ вамъ по нервамъ, то маскарадъ...

Викторія. Да, Женя всю свою жизнь любила превращать въ бури... Я всегда этому удивлялась.

Князь. Да... да, вотъ именно въ бури. А я

такъ люблю каминъ, чашка крѣпкаго кофе, сигара, тихая бесѣда...

Женя. Легкое похрапываніе. (Хохочетъ). Довольно, мнѣ это надоѣло. Сегодня я ѣду веселиться, смѣяться, чтобы по нервамъ било.

Князь. Опять по нервамъ! Ахъ, какъ вы безпокойны! А я сегодня настроенъ совсѣмъ иначе. Мнѣ бы хотѣлось...

Женя. (Перебиваетъ). У камина, чашка кофе... Такъ знаете что: оставайтесь съ Виттой у моего камина, вамъ подадутъ кофе, вы будете вмѣстѣ тихо бесѣдовать, а я поѣду.

Князь. Что вы, мой другъ!!! Ни за что! Куда вы однѣ поѣдете? Это невозможно!

Женя. Какъ хотите! Я хотѣла доставить вамъ удовольствіе посидѣть у камина...

Князь. Mon ange, вы знаете, что я счастливъ быть тамъ, гдѣ вы.

Женя. (Всторону). Это не всегда удобно. Въ такомъ случаѣ, надо собираться. Витта, пойдемъ. У меня найдется для тебя маска, а вы, князь, подождите насъ здѣсь.

Князь. Отлично. Я васъ подожду. (Дамы уходятъ. Князь закуриваетъ папиросу): Откровенно говоря, я усталъ и хотѣлъ бы отдохнуть. Эта женщина прелестна, но ужасно перемѣнчива, и потомъ по нервамъ любитъ... все ост-

рое... Это немного утомительно бываетъ... да... да... Но она прелестна.,, по нервамъ бьетъ... да (немного дремлетъ). А такъ бы хорошо было у камина закурить сигару... тихая бесѣда... (видитъ валяющееся на полу письмо, подымаетъ его, всматривается черезъ монокль): Что это? Мужской почеркъ? Да... Странно... Отъ кого же? вашъ рабъ. Что же это за рабъ? Однако, это немного странно! Я не привыкъ читать чужихъ писемъ, но, въ данномъ случаѣ... (Читаетъ). Sapristi! Этого я не ожидалъ! Такъ вотъ отчего мигрань и бѣлый парикъ. Но... но... этотъ номеръ не пройдетъ... Я не такъ глупъ... Въ маскарадѣ я не отпущу ея руки, а въ ресторанѣ тоже перехитрю ее... (кладетъ письмо на тоже мѣсто на полъ, дѣлаетъ видъ, что дремлетъ).

Женя. (Входя). Я здѣсь забыла мою брошь.

Князь. (Не шевелится).

Женя. (Крадучись подходитъ); Какое счастіе! Онъ, очевидно, не замѣтилъ этого предательскаго документа. (Подымаетъ письмо съ пола, прячетъ).

Князь. Это вы, mon ange? А?.. Что?...

Женя. Я забыла тутъ мою брошь. А вы, кажется, заснули?

Князь. Да, признаться, я задремалъ. И да-

же мнѣ кто то снился... Не помню только кто...

Женя. (Кокетливо). Неужели не я?

Князь. Мой другъ. присядьте вотъ тутъ, рядомъ со мной. Вотъ такъ. Скажите, вы любите меня?

Женя. Что за вопросъ?! Вѣдь вы же знаете. Ну, конечно — люблю.

Князь. Мнѣ кажется, что вы стали охладѣвать ко мнѣ.

Женя. О, нѣтъ... Если кто нибудь охладѣваетъ, такъ это вы.

Князь. Mon ange, вѣдь я такъ пламенно, такъ... такъ... нѣжно люблю васъ... Исполняю всѣ ваши капризы. Вотъ эта поѣздка, напримѣръ, въ маскарадъ. Я — противъ нее, положительно — противъ...

Женя. Почему? Что тутъ дурного?

Князь. Я ревную васъ ко всякому, а въ маскарадѣ позволяются вольности.

Женя. Вы хотите лишить меня пустого удовольствія, скажемъ, прихоти... Я повторяю, что вы охладѣли ко мнѣ...

Князь. О, нѣтъ... я готовъ ѣхать. Ну, дайте вашу ручку.

Женя. (Капризно). Оставьте...

Князь. Ну, вотъ вы разсердились? Но... но... я не хотѣлъ огорчать васъ... простите. Вы все-таки сердитесь?... Ахъ, Боже мой!.. A propos, я давно хотѣлъ сказать вамъ, что всѣ ваши счета уже

уплочены и что въ банкъ на ваше имя внесено двадцать пять тысячъ франковъ. Вотъ чекъ. Я хотѣлъ утромъ передать вамъ, да забылъ.

Женя. Мерси. Это очень любезно. (Беретъ чекъ).

Князь. Ну вотъ, вы улыбаетесь... Я счастливъ... Дайте вашу ручку. Ну вотъ... мы помирились, значитъ? — Да?

Женя. Помирились, и я теперь иду одѣваться. Черезъ четверть часа мы будемъ готовы. (Посылаетъ воздушаый поцѣлуй и убѣгаетъ).

Князь. (Одинъ). О, женщины, женщины! Что онѣ съ нами дѣлаютъ!

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе II.

Кабинетъ ресторана.

Лакей. (Отворяетъ дверь князю). Пожалуйте ваше сіятельство.

Князь. Вотъ что любезный. Тутъ сейчасъ пріѣдутъ двѣ дамы... Э-э... вотъ любезный вамъ нѣкоторая сумма... (Вынимаетъ изъ бумажника) и прошу васъ, любезный, чтобы никто, положительно, никто не явился бы сюда... Вы скажите, если кто либо будетъ спрашивать, что я заѣзжалъ съ дамами и э... э... уѣхалъ въ другой ресторанъ, такъ какъ не было свободнаго кабинета. Вы поняли?

Лакей. Вполнѣ, ваше сіятельство.

Князь. Однимъ словомъ, насъ тутъ нѣтъ... вы поняли?... (Входятъ Женя и Викторія. Князь мѣняя тонъ): Такъ вотъ прошу васъ, любезный, дать намъ поужинать. Медамъ, прошу васъ.

Лакей. (Подаетъ князю, который садится за столъ, «меню»). Что прикажите?

Женя и Викторія. (Подлѣ рампы, дѣлаютъ видъ, что у зеркала оправляютъ прически).

Женя. Какъ это вышло глупо! Я увѣрена, что видѣла издали нѣсколько разъ мелькнувшій голубой значекъ.

Викторія. Очевидно, онъ не рѣшался самъ подойти, ожидая случая, когда ты оставишь своего кавалера.

Женя. Князь такъ крѣпко держалъ мою руку и, какъ нарочно, то и дѣло кого нибудь предствлялъ мнѣ. Интересно, что будетъ дальше. Будемъ ждать появленія здѣсь моего таинственнаго поклонника.

Викторія. Конечно, разъ онъ указалъ этотъ ресторанъ.

Женя. Помни свое обѣщаніе какъ нибудь увезти князя. Все таки я слегка раздосадована этой неудачей въ маскарадномъ залѣ.

Князь. Mon ange, вамъ что заказать?

Женя. Право, мнѣ безразлично. Что хотите.

Князь. (Лукаво улыбаясь). Вы какъ будто чѣмъ то недовольны?

Женя. О, нѣтъ, мнѣ просто скучно и я слегка устала.

Князь. Такъ поѣдемте домой и тамъ поужинаемъ.

Женя. Нѣтъ, нѣтъ... это пройдетъ. Вотъ мнѣ уже лучше.

Князь. Ахъ, какъ вы перемѣнчивы, mon ange. Въ одну минуту и вамъ лучше! А вамъ, Викторія Михайловна, что угодно?

Викторія. Я голодна и потому согласна на все. Я совсѣмъ не устала, напротивъ...

Князь. Э... э... это очень мило съ вашей стороны. Позвольте поцѣловать вашу ручку... Я... я тоже совсѣмъ не усталъ и тоже... напротивъ. Любезный, посмотрите, пожалуйста, свободенъ ли телефонъ? (Смотритъ на часы). Мнѣ необходимо два слова сказать по телефону.

Лакей. Сейчасъ узнаю-съ. (Выходитъ).

Князь. Завтра я долженъ быть на бѣгахъ... Mon ange, вы поѣдете?

Женя. (Разсѣянно). Что вы говорите, князь?

Князь. Какъ вы разсѣянны. Что съ вами? (Лукаво). Я не узнаю васъ сегодня.

Лакей. (Входитъ). Пожалуйте-съ.

Князь. Медамъ, вы разрѣшите? (Уходитъ).

Лакей. (Незамѣтно накалываетъ голубой значекъ, продолжаетъ накрывать).

Женя. (Вскакивая). Что? Что такое?

Лакей. (Молча, низко кланяется).

Викторія. (Тоже увидѣвъ). Ахъ, какая неслыханная дерзость! Какая наглость!

Женя. (Разражается громкимъ хохотомъ). Такъ это вы написали?

Лакей. (Съ поклономъ). Это написалъ я.

Женя. (Весело). И вы осмѣлились? Вотъ такъ титулы и милліоны! А если я скажу князю?

Лакей. Если васъ не интересуетъ дальнѣйшее — сдѣлайте одолженіе...

Викторія. Какой нахалъ!

Лакей. (Почтительно кланяясь). Сударыня, вы мнѣ это скажете въ томъ случаѣ, если я напишу и вамъ...

Женя. (Вполголоса). Онъ начинаетъ забавлять. Въ немъ есть шикъ джентельмена.

Викторія. Что-о? Ты совсѣмъ сошла съ ума!

Князь. (Показывается въ дверяхъ. Лакей спокойно снимаетъ значекъ). Ну вотъ, теперь я весь принадлежу вамъ, милыя дамы...

Викторія. (Въ гнѣвномъ порывѣ). Князь..

Женя. (Удержиная ее за руку, шопотомъ). Ни слова, или мы навсегда поссоримся... (Громко) Витта увѣрена, что вы такъ влюблены въ меня, что не въ состояніи удѣлить ей и крошки вашего пыла.

Князь. Я дѣйствительно влюбленъ въ васъ, mon ange, но это не мѣшаетъ мнѣ восхищаться и вами, очаровательная Викторія Михайловна. (Цѣлуетъ ей руку).

Женя. Ну вотъ видишь, Витта. Я тебѣ го-

ворила, что каязь — это донъ-Жуанъ, влюбленный во всѣхъ женщинъ. Итакъ, будемте ужинать, пить вино и веселиться. Я чувствую себя превосходно, и никогда мнѣ не было такъ весело какъ сегодня.

Князь. Но, вы дѣйствительно перемѣнчивы какъ... какъ вѣтеръ. Часъ тому назадъ вы жаловались на скуку.

Женя. Теперь мнѣ весело. (Подымаетъ бокалъ). За радость жизни! Ура! Жизнь на радость намъ дана!

Князь. Я пью за женщинъ, прекрасныхъ женщинъ!

Викторія. Я — за каминъ и тихую бесѣду за чашкой чернаго кофе.

Князь. C'est charmant! charmant! Вотъ именно за каминъ и кофе... т. е. да... да... за бесѣду у камина... (Цѣлуетъ ручки Викторіи).

Лакей. (Въ это время, наливая вино Женѣ, шопотомъ). Я васъ умоляю, поскорѣе отправьте его.

Женя. Что съ тобой, Витта? Ты что то поблѣднѣла?

Викторія. Я поблѣднѣла?!.. Да... впрочемъ да... Мнѣ что то нездоровится... голова...

Князь. Что жь это , медамъ, все какіе то сюрпризы... я не понимаю...

Женя. Ахъ, князь, какой вы несносный! Вы видите, что ей дурно...

Князь. Но ей совсѣмъ не дурно, съ чего вы взяли?!

Женя. Какъ не дурно? Витта, что съ тобой? Ты блѣдна какъ смерть.

Князь. Блѣдна? Мой другъ, Викторія Михайловна румяна какъ яблоко.

Женя. Витта, ну что же ты?!. Тебѣ дурно!...

Викторія. Да, мнѣ очень нехорошо... (всторону отъ князя шопотомъ). Неужели же ты рѣшила остаться тутъ съ нимъ? Этому словъ нѣтъ?!

Женя. (Шопотомъ). Не твое дѣло. Ты обѣщала. (Громко). Ахъ, Боже мой, ты вся похолодѣла. Ты ничего не видишь?

Викторія. Да, не вижу.

Князь. Выпейте воды... вотъ, свѣжей воды...

Женя. Да тутъ не воды надо, надо доктора... Какой вы жестокій!

Князь. Э... Э... любезный (къ лакею, все все время стоящему въ отдаленіи). нѣтъ ли тутъ доктора?

Лакей. Можно узнать, ваше сіятельство.

Викторія. Нѣтъ, нѣтъ.. я лучше поѣду домой.

Князь. Отлично, поѣдемте.

Женя. Поѣзжайте, князь, а я подожду васъ здѣсь.

Князь. Но... зачѣмъ же вамъ, мой другъ, тутъ оставаться? Поѣдемте вмѣстѣ.

Женя. Нѣтъ, я останусь. Я въ отличномъ настроеніи и подожду вашего возвращенія.

Князь. Мой другъ... но... но... это капризъ... это...

Женя. Что бы это ни было, я жду васъ здѣсь.

Князь. Ну, какъ хотите! Помогите вашей пріятельницѣ сойти внизъ, я сейчасъ.

Викторія. Отведи меня, Женя... (Шопотомъ). Одумайся! Это безуміе. Это просто скандалъ!..

Женя. (Шопотомъ). Не твое дѣло. Задержи его возможно дольше. (Уходятъ.

Князь. (Вынимая бумажникъ, къ лакею). Любезный, вотъ вамъ еще нѣкоторая сумма... я прошу васъ, чтобы въ этотъ кабинетъ никто не вошелъ... абсолютно, никто.

Лакей. (Не глядя кладетъ деньги въ карманъ). Ваше сіятельство, можете положиться на меня. (Съ удареніемъ). Кромѣ меня сюда не войдетъ ни одинъ человѣкъ.

Князь. Вотъ именно... А я постараюсь не задержаться. (Выходитъ).

Лакей. (Надѣвая голубой значекъ). Старый дуракъ!... (Вынимаетъ деньги). По сто франковъ!...

Женя. (Входитъ, молча смотритъ въ

упоръ на лакея. Послѣ паузы). И князь же заплатилъ вамъ за обманъ?

Лакей. (Кладя деньги на столъ). Нѣтъ, онъ обронилъ эти деньги. Когда вернется, то я ихъ ему передамъ.

Женя. Я вижу, вы столь же находчивы, какъ и смѣлы.

Лакей. Быть можетъ болѣе, чѣмъ вы предполагаете.

Женя. (Со смѣхомъ садится, закуривая папироску). Однако, это становится забавнымъ. Что же вы намѣрены сейчасъ предпринять?

Лакей. Ужинъ. Конечно самый тонкій, самый гастрономическій.

Женя. Что?! Вы будете угощать меня ужиномъ?!.. (Хохочетъ).

Лакей. Вы будете знать насколько я знатокъ своего дѣла. (Быстро уходитъ).

Женя. Онъ положительно интересенъ. Я не сомнѣваюсь, что тутъ мистификація.

Лакей. (Съ большимъ подносомъ, уставленнымъ тарелками и бутылкой шампанскимъ). Я васъ прошу сдѣлать мнѣ честь. (Ставитъ на столъ. Приготовляетъ приборъ для себя). И такъ, теперь «я весь въ вашемъ распоряженіи», какъ говоритъ вашъ князь. (Садится).

Женя. Какъ? Вы садитесь?

Лакей. Я вамъ будетъ пріятно, если я буду стоять?

Женя. О, нѣтъ. Конечно, садитесь. Это забавно.

Лакей. Это паштетъ, секретъ котораго знаю лишь я одинъ. Попробуйте, это восхитительно. (Кладетъ ей и себѣ).

Женя. Скажите пожалуйста, зачѣмъ вы не написали мнѣ, кто вы?

Лакей. Потому что я хорошо знаю женщинъ: вамъ нужны титулы. Если бы я подписался лакеемъ этого ресторана, вы не дали бы себѣ труда даже прочесть мое посланіе; хотя, согласитесь, я интереснѣе вашего князя, во всякомъ случаѣ оригинальнѣе.

Женя. Это возможно.

Лакей. Я слѣжу за вами всю зиму. Къ счастію, я часто вижу васъ здѣсь... и не только съ княземъ. Я сгораю отъ ревности.

Женя. Да вы съ ума сошли! Вы забываетесь! Выйдете вонъ!

Лакей. Если черезъ полчаса вы повторите мнѣ тоже, то я уйду, а пока — за прелестнѣйшую изъ женщинъ! My darling... my sweet heart...

Женя. Вы англійскій знаете? У васъ отличный выговоръ?

Лакей. Я служилъ въ Лондонѣ.

Женя. Это все очень забавно.

Лакей. О, я объѣхалъ весь свѣтъ, я видѣлъ массу женщинъ, но прекраснѣе васъ, я не встрѣчалъ. (Цѣлуетъ лежа-

щую на столѣ руку Жени). О, за одинъ поцѣлуй вашъ, я готовъ идти на смерть.

Женя. Что за дерзость! Берегитесь, вы становитесь слишкомъ смѣлы.

Ликей. (Все время подливая вина. Садится рядомъ съ ней). У васъ очаровательныя ушки... и эта мушка такъ кокетлива... Я схожу съ ума!..

Женя. Да, я это замѣчаю. Ну, все равно! За вашу неслыханную смѣлость, даже дерзость! (Пьетъ).

Лакей. (Цѣлуя ей долго руку). Чудная вы женщина! Прошу васъ, спойте для меня романсъ, который вы въ этомъ же кабинетѣ недавно пѣли вашему рамолику-князю.

Женя. Хорошо. (Идетъ къ роялю. Поетъ. Окончивъ, перебираетъ по клавишамъ, начинаетъ какой нибудь дуэтъ. Лакей поетъ дуэтъ съ ней вмѣстѣ).

Женя. Что за дивный у васъ голосъ! Положительно, вы учились пѣть... кто вы такой?

Лакей. Я... я пѣвецъ любви, пѣвецъ моей печали...

Женя. (У рояля, перебирая піаниссимо по клавишамъ, задумывается).

Лакей. Неужели вы не могли бы полюбить меня?... Развѣ я хуже князя?

Женя. Нѣтъ не хуже, но... О, перестаньте, что за безуміе!

Лакей. Да, конечно, безуміе было писать вамъ, безуміе было говорить вамъ о своихъ чувствахъ мнѣ — нищему пролетарію. Въ то время, какъ къ вашимъ ногамъ кладутся милліоны, я ничего не могу дать вамъ, кромѣ чистаго, честнаго сердца... Конечно, любовь безсильна передъ милліонами.

Женя. (Горячо перебивая). О, не будьте такого дурного мнѣнія о женщинахъ. Не всѣ, далеко не всѣ такъ жадны.

Лакей. Увы, у меня есть большой жизненный опытъ! Кто знаетъ, быть можетъ, и я не всегда служилъ въ ресторанѣ, быть можетъ, и я когда то сопровождалъ прелестныхъ женщинъ въ маскарады и на балы... Сейчасъ пріѣдетъ князь, и я васъ больше не увижу. Скажите мнѣ честно, умоляю васъ: еслибы я не былъ лакеемъ, вы могли бы полюбить меня?

Женя. Ахъ, что за вопросы! Къ чему?!

Лакей. О, я прошу васъ! Вѣдь сейчасъ пріѣдетъ князь, и моей чудесной сказкѣ настанетъ конецъ. Ну, скажите. Клянусь вамъ, что въ отвѣтъ на ваши слова, каковы бы они ни были, я только позволю себѣ поцѣловать кончики вашихъ пальцевъ и назвать свое скромное имя. Скажите же...

Женя. (Послѣ паузы, рѣшительно). Да. Вѣроятно, да.

Лакей. (Вынимая свою визитную карточку, подаетъ ей).

Женя. (Прочитавъ). Какъ, это вы?! Извѣстный всѣму свѣту сумасбродъ, просадившій на свои сумасбродства два состоянія?!!

Лакей. Да, и для васъ, я готовъ просадить и третье.

Женя. Но зачѣмъ же вы здѣсь?

Лакей. Мнѣ надоѣло все: и мое богатство, и путешествія и главное женщины съ ихъ жадностью. Я не вѣрилъ больше въ ихъ любовь. Но увидѣвъ васъ, сталъ слѣдить за вами и, потерялъ голову. Я платилъ крупныя суммы, чтобы служить вамъ въ тѣхъ ресторанахъ, куда вы пріѣзжали ужинать. Теперь я узналъ васъ хорошо и вотъ рѣшился, наконецъ, написать вамъ...

Женя. Мой милый, но князь? сейчасъ пріѣдетъ князь...

Лакей. Сегодня онъ проводитъ васъ домой, а завтра я увезу васъ на край свѣта, куда захотите.

Женя. А князя я передамъ моей пріятельницѣ? (Хохочетъ).

Лакей. Съ его милліонами и подагрой.

Князь. (Входитъ). Что это онъ говоритъ о подагрѣ? Э-э...

Лакей. Я докладываю сударынѣ, что есть радикальное средство отъ подагры,

которой, какъ вы изволили жаловаться, вы страдаете.

Князь. Прекрасно, прекрасно, — мой милый. Дайте мнѣ это средство, я буду вамъ очень благодаренъ. Ну, что же будемте ужинать, мой другъ.

Женя. Нѣтъ, я хочу домой, я устала.

Князь. Но вѣдь вы настаивали на томъ, что мы будемъ ужинать, когда я вернусь!...

Женя. У меня голова болитъ... поздно... Пора домой.

Лакей. (Шопотомъ. Набрасывая ей манто). Завтра въ 11 часовъ ночи экспресъ въ Ниццу.

Князь. Ахъ, какъ вы перемѣнчивы!.. Я просто... просто голову теряю съ вами.

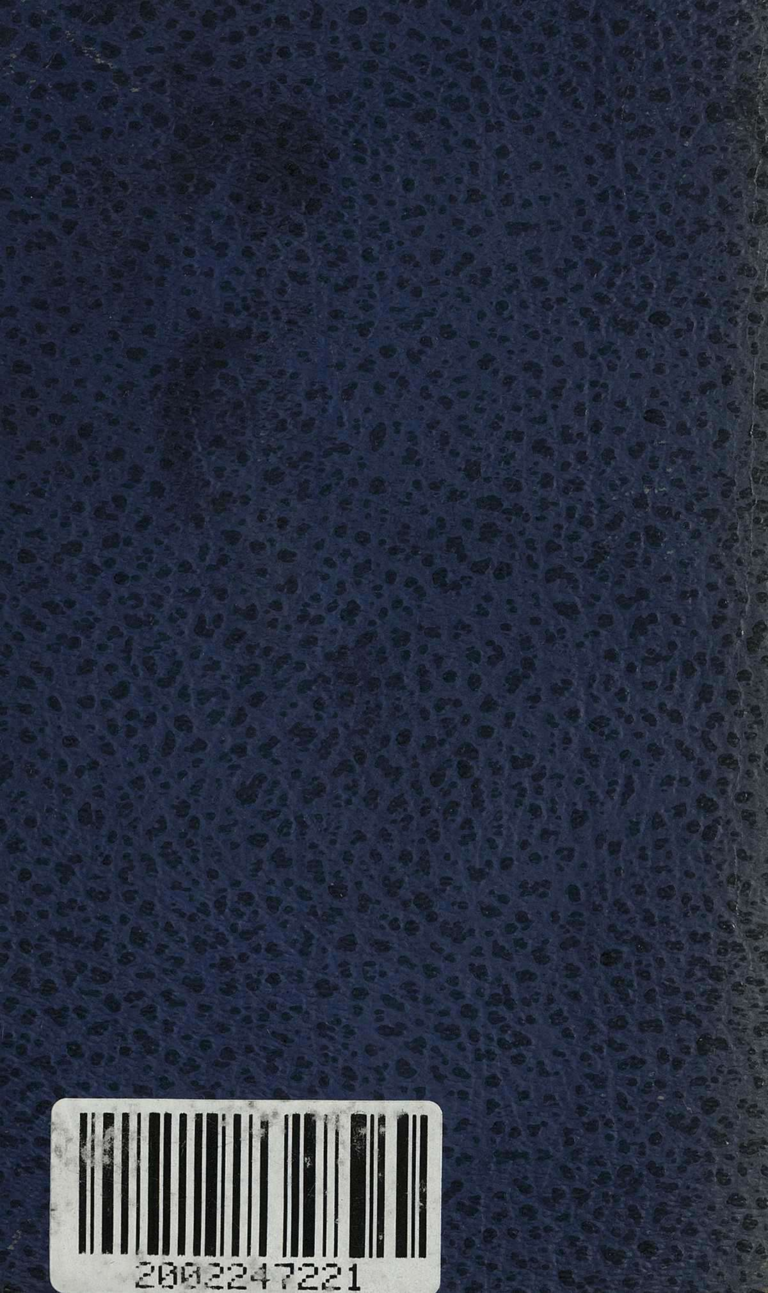
Лакей. Ваше сіятельство изволятъ терять не только голову, но и двѣсти франковъ. (Подаетъ).

Князь. Возьмите, любезный себѣ.

Лакей. Нѣтъ, ваше сіятельство, сегодня я вознагражденъ слишкомъ щедро.

ЗАНАВѢСЪ.

Imp. « GRAPHIQUE »
9, r. Saint-Gilles, PARIS

2002247221